

The book cover features a dark, atmospheric illustration of a post-apocalyptic Moscow. In the foreground, a soldier in green tactical gear with a red headband and a large backpack walks towards the viewer, holding an assault rifle. He is flanked by two zombies: one on the left is crawling on the ground, and one on the right is lying face down in a pool of blood. In the background, a tank with soldiers is visible on the left, and a lone zombie stands on the right. The city skyline, including the Kremlin's towers, is visible under a hazy, orange-tinted sky. The top of the cover shows the silhouettes of city buildings against a dark sky.

ВСЕЛЕННАЯ АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ

МОСКВА

Мир «Эпохи мёртвых»

Андрей Круз

Эпоха мертвых. Москва

«ЭКСМО»

2009

Круз А.

Эпоха мертвых. Москва / А. Круз — «Эксмо», 2009 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

ISBN 978-5-9922-0980-8

Старый мир умер, на смену ему пришел другой, злой, жестокий и мертвый. Все, что скрывалось раньше в людях, стало явным. Зло проявило себя полной мерой, никого больше не стесняясь и ни от кого не прячась, равно как и добро. Циничность и практичность, бескорыстие и взаимопомощь, доброта и жестокость меняют лицо нового мира так быстро, что выжившие не успевают приспособливаться, удивляясь, неужели вокруг те же люди, которые окружали их совсем недавно, до прихода Смерти.

ISBN 978-5-9922-0980-8

© Круз А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Сергей Крамцов, бывший аспирант	6
Сергей Крамцов	12
Александр Бурко, председатель Совета директоров компании «Фармкор»	17
Сергей Крамцов	19
Александр Бурко	25
Сергей Крамцов	28
Сергей Крамцов	33
Человек в музее	50
Сергей Крамцов	52
Двое на крыше	59
Сергей Крамцов	62
Бислан Исмаилов, недавний студент	67
Сергей Крамцов	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Андрей Круз

Эпоха мертвых. Москва

Пролог

Наверное, это странно, но огромный мир может умереть всего за несколько дней. Случится что-то такое, чего не ждали и к чему не готовились, и все. И двух недель не прошло с тех пор, как вирус «шестерка» пошел по планете, и что теперь? Если честно, мне трудно сказать, что теперь. Телевидения не стало, радиостанции работают только местные, да и те все больше о том говорят, что поблизости происходит. Как спастись, куда бежать, что делать – сплошь полезные советы. И все. Весь остальной мир словно уже и не существует.

Москва. Столица, мегаполис, родной город, в конце концов. Во что она превратилась? Кто теперь остался в ней, кроме целой армии противостоительно оживших мертвецов? Наверное, уже никого. А если кто и остался, тот обречен на безнадежное ожидание смерти. Мы были там, и мы видели, как смерть забирает мой город у жизни. И делает это безжалостно, бесцеремонно и, самое главное, – навсегда. Это сразу видно и сразу понятно. Смерть не имеет привычки отдавать что-то обратно. Если только не возвращает это сама, чтобы становиться сильнее, как толпы тех же зомби, что бредут сейчас по серым улицам Москвы.

Сергей Крамцов, бывший аспирант

28 марта, среда, вечер

Ну вот, теперь мы съезжаем из дачного поселка окончательно. Он укрыл нас, спрятал, спас, чего уж правду-то таить. Дал возможность организовать, собраться в какую-то общность, достаточно эффективную и даже боеспособную, зубастую, можно сказать. Теперь все, «эпоха дачного жительства» закончилась, всего за десяток дней. Новая жизнь диктует новые формы организации выживших, и к одной такой форме мы сейчас и примкнем, спасибо той неожиданной и странной встрече на Международном шоссе с подполковником Пантелеевым.

Войдя в дом, я прошелся, оглядывая комнаты. И когда теперь сюда вернуться? Скорее всего, уже никогда. Сколько шашлыка здесь было съедено, сколько в бане проведено вечеров, сколько раз с Татьяной раскачивали скрипучую старую кровать... Все остается в прошлом, так же как и запертая и брошенная квартира, что на улице Изумрудной. Остается в прошлой жизни, быстро теряющейся во мраке и мути воспоминаний последних жутких дней. А впереди – жизнь смутная, странная и непонятная. И где она будет у меня? И какая? И будет ли вообще? Тьфу-тьфу-тьфу, так и накаркать можно.

Я перешел в дом напротив, самочинно нами занятый, тоже осмотрел комнаты на предмет забытых вещей. И здесь все собрали, кроме моей «тревожной сумки», которая дожидалась меня на столе в кухне. Я подхватил ее и направился на улицу. Вот теперь все, можно трогать.

Еще вчера мне удалось поговорить с «мастеровыми мужиками» и предложить им перебраться с нами в учебный центр «Пламя». И я ни капли не удивился тому, что мое предложение отказа не встретило. Заодно познакомился со вторым из них, Павлом, и с их семьями, то есть двумя женами и тремя детьми. Времени зря они не теряли, и уже все окна в доме были закрыты аккуратно подогнанными щитами, и у обоих были новенькие с виду СКС. Вчера же утром, с моей подачи, они сгоняли до заправки, где и получили по карабину и по сто двадцать патронов с обоймами, чем были весьма довольны и даже организовали дежурство. Сейчас же, пока народ паковал остатки вещей, я сбежал к ним на своих двоих и предложил быть готовыми через час присоединиться к колонне.

На пути обратно пробежал мимо того дома, где нас позавчера угостили водкой. Во дворе никого не было, но до меня донеслись визгливые звуки семейной ссоры. Или опять перепили мужички, или жена кого-то из них пытается заставить что-то делать.

Подбежал к своим, которые погрузку уже закончили и заводили машины. «Приблудный» стоматолог с женой и две спасенные нами женщины оторопело смотрели на все это хозяйство, множество машин и хорошо вооруженный и экипированный народ. Если честно, то понимаю их чувства. И это они половину имущества не видели, зря, что ли, мы вчера целую кучу машин отогнали?

Сейчас «мастеровых мужиков» с семьями нам пришлось подождать на центральной аллее поселка. Мы как-то раньше времени тронулись, а они к быстрой загрузке своих пожитков готовы не были, в отличие от нас, хоть и собирались заранее. Но слишком много времени это тоже не заняло. Курящие, такие, как Шмель, Паша и Сергеич, едва успели выдымить по сигарете, портя чистый весенний воздух, как из боковой аллеи показались две «Нивы», белая и бежевая. Им показали, куда пристраиваться, и наша колонна, которая стала настоящей колонной, двинулась в путь.

Боеготовность растянувшегося и отягощенного излишним транспортом отряда сейчас равнялась нулю, поэтому мы с Татьяной на «Форанере» вырвались далеко вперед, осматривая дорогу и взяв на себя обязанности головного дозора. Не дай бог, именно сейчас нарваться на неприятности, ведь даже отбиться не сумеем.

Едва выехали из поселка, как я увидел аж троих мертвяков, медленно бредущих по разбитой дороге. М-да, а вот и они, а мы и заждавшись. До сих пор возле дач они не появлялись, кроме того, первого, о котором говорил Петрович и который неизвестно куда сгинул, а тут целая компания. Ситуация продолжает ухудшаться. Я предупредил колонну по радио о том, что сейчас будет стрельба, и, высунувшись из машины, застрелил всех троих из автомата, открыв огонь одиночными. С пятидесяти примерно метров и с коллиматорным прицелом потратил десяток патронов на троих – их раскачивающаяся, переваливающаяся походка заставляет промахиваться даже в таких условиях, когда стреляешь как на стенде с мишенями.

Еще двоих мертвяков я увидел на асфальтовой дороге и их тоже застрелил. Дальше до шоссе дошли без приключений, равно как и проскочили по нему до поворота на «Пламя». Разве что не раз ловил на себе удивленные взгляды едущих из Москвы людей, не понимающих, кто может сейчас ехать в сторону величайшего в мире рассадника ожившей мертвечины? Ну это они по наивности, своими глазами довелось видеть мародеров в мертвом городе. Там им самое раздолье сейчас, если не боятся жизни лишиться особо мерзким образом. Но некоторые не боятся.

Сигнал и волну радиоопознания на КПП «Пламени» нам дали, и опознались мы как положено, но все равно после проезда в ворота нас остановили. Там теперь было организовано нечто вроде накопителя или шлюза. Подошли два прапора, начали проверять документы и составлять список прибывших. Одно дело, когда мы просто в гости ездим, и совсем другое – на заселение. Заправлявший здесь всем старший лейтенант, тот же самый, которого видели позавчера, записал в амбарную книгу номера документов и даты выдачи, после чего пропустил нас дальше, сказав, куда ехать, хоть мы и так все знали уже.

В гостинице нас встретила еще и немолодая женщина в наброшенном на плечи военном бушлате, в который она зябко куталась. Она выдала нам ключи от комнат, причем подобрала их так, чтобы мы оказались рядом с теми, кто прибыл вчера, затем рассказала, во сколько открывается и закрывается местная столовая. Еще женщина спросила, кто из нас сюда на постоянное жительство, и сказала, чтобы они сразу после размещения отправились представиться замполту. Таких у нас набралось одиннадцать человек, если с семьей доктора и спасенными в Солнечногорске женщинами посчитать «мастеровых» с семьями.

Нам с Таней достался тесный двухместный номер, больше похожий на вытянутый пенал, в котором мы сразу сделали радикальную и самую важную перестановку, то есть сдвинули кровати. Двухспальных кроватей в этой сугубо служебной гостинице не было. Скорее это была даже не гостиница, а общежитие, с душевыми и туалетами в конце коридора. Зато в подвале была баня, которую вполне можно было зарезервировать лично для себя на пару часиков. Электричество еще подавалось, имелась и горячая вода. А вот что они думают делать дальше? Ведь электростанции рано или поздно встанут, равно как иссякнет поток газа в котельные или запас угля к ним. Чем будут топить и чем освещать помещения зимой? Пусть до холодов еще больше полугода, но пролетит это время быстро. Вообще они, наверное, и это тоже продумали. Тут вообще какие-то мужики все больше продуманные, чего один засев учебных полей стоит.

Людей в гостинице было много, но в основном это были или дети, или девочки подросткового возраста с детьми, или их бабушки. Наверное, все взрослые трудоспособные были при деле, учитывая, что работа кипела по всей территории, достаточно в окно выглянуть, чтобы в этом убедиться.

Мы побросали вещи и оружие у себя в номерах, оставив на себе лишь пистолеты, с которыми я приказал не расставаться никогда, даже в отхожем месте, сбросили аноракки и пошли вниз.

В столовке было шумно, многолюдно, чисто, хоть изысками интерьер не блистал – самая классическая столовка. Мы пришли самыми последними из всех. Наши уже успели сдвинуть

столы в один и рассестся, там же за столами сидели спасенные Маша и Даша. Еще за нашим столом, к моему удивлению, оказался Пантелеев, с какой-то приятной женщиной лет сорока, которую он представил как жену, а заодно и как врача. Звали ее Людмилой, мы познакомились.

Пошел к раздаче, прихватив поднос. Кормили без изысков, но вкусно, и я взял котлету с жареной картошкой, минералку и чай. Вернувшись за стол, уселся прямо напротив Пантелеева, затем по ходу дела быстро, но с «леденящими душу» подробностями, рассказал подполковнику историю близняшек, оставшихся сиротами и спасенными из рук насильников. Подполковник посмотрел на них внимательно, переспросил, сколько им лет, хмыкнул чуть иронически, как любой другой хмыкнул бы тоже, но безусловное «добро» на их пребывание в «Пламени» дал. Судя по всему, его впечатлениям о том, что нужно лейтенантам, они соответствовали. А заодно перепоручил их жене, попросив приставить к делу. У них в санчасти, перестраиваемой теперь в госпиталь, был недостаток медсестер.

А дальше, пользуясь моментом, я решил позадавать вопросы, которые меня мучили. Здорово так мучили, до свербления в заднице.

– Товарищ полковник,¹ а как думаете следующую зиму встречать? – задал я первый вопрос. – Думаете, что еще будет свет и тепло?

– Нет, мы же тут не совсем дубы, – усмехнулся тот. – По свету... если в перспективе, то даже постройка маленькой электростанции на базе котельной планируется, есть у нас специалисты по малой энергетике, и вроде даже знают, откуда паротурбинные установки взять... Но это уже совсем на потом. А по жилью... есть два проекта у нас – дополнительно утеплять стены многоэтажек, ставить везде маленькие печи и разводить дымоходы или даже строить деревянные избы. Они куда теплее панельных домов, если правильно строить. И жить, как предки жили, чем плохо? Места у нас много, можно не одну деревню разместить.

– Ничем не плохо, даже здорово, – покачал я головой. – Я люблю деревянные дома, если честно. А умеете избы-то строить?

– Уметь тут нечего, главное, чтобы лес был правильный и в нужном количестве. А пока начнем дрова заготавливать. Точнее, уже начали, сейчас делаем вокруг периметра полосу отчуждения, и все срубленное на дрова идет, если на пиломатериал не годится. Так и будем заготавливать ежедневно.

– А с продовольствием у вас как? – поинтересовался я.

– Вот с продуктами сложнее, – вздохнул Пантелеев. – Есть пока запасы кое-какие, нашли и распахали место, где картошку сажать, свиноводство уже начали строить, большой, насчет свиней даже где-то начпрод договорился. Птицеферма опять же. Но все равно, пока свое хозяйство разовьется, надо бы еще запастись теми же консервами. У нас тут больших продскладов никогда не было, сам понимаешь. Учебный центр общевойсковой академии – это не часть и не склад Росрезерва.

Понимаю, конечно, чего тут не понять? Учебный центр и испытательные полигоны. На кой черт ему были нужны склады НЗ с тушенкой? Зато у меня есть прекрасная идея насчет как раз таких складов, и я спросил:

– Товарищ полковник, скажите, а сколько людей и с чем вы можете выставить на операцию вне центра, если не в напряг? Не оголяя тылы, так сказать.

Подполковник задумался. Затем ответил уверенно:

– Роту. Полноценную, с броней, на бэтэрах. А может, и больше, если командир другие работы умет на день-другой. А что?

– Здорово! – Я аж руки потер от радостного предвкушения. – А грузовики мобилизовать под перевозку продуктов?

¹ В армейской среде обращение «товарищ подполковник» применяется редко, в основном в официальных случаях. Обычно – «полковник».

– Это не ко мне, я тут все же по военно-тактической части, это к зампотылу, – ответил Пантелеев. – Но десяток могут выделить сразу. Наверняка.

– Прекрасно! – заявил я, откровенно ликуя. – Рассказываю, где продуктов до неба, но надо выбить оттуда одну банду, не сильную, но наглую.

Естественно, мне пришло в голову Хлебниково. Слишком умные менты с такими же шибко умными кавказцами. Оккупировали, наверняка еще погнали или перебили хозяев и работников складов, раньше там не только Кавказ торговал, захватили все, что там есть, и теперь живут-жируют. Не до хрена ли им будет? Тем более что я уже думал, что не удержать им нынешними силами базу, придет кто посильнее и погонит их в шею. Так пусть лучше вояки их погонят, они не для торговли, а для людей продукты ищут.

Подполковнику идея не просто понравилась, а понравилась очень сильно. Настолько сильно, что он затребовал меня завтра с раннего утра в штаб, на составление плана операции. Я попытался было отнекиваться, сказал, что был там всего раз в жизни и толку от меня немного, но получил приказ в категоричной форме.

А у меня при этом появилось некое ощущение свершившейся мести. Заслуженной причем, безотносительно того, что лично мне они ничего худого вроде и не сделали. Я представил, как к теплому и уютному бандитско-ментовскому гнездышку подойдет рота на броне, преимущественно из офицерского спецназа, и чем это все закончится.

Затем я перешел к заботе о личных интересах, то есть откровенно предложил поменять излишек нашего транспорта на что-то особо полезное для нас, снова заставив Пантелеева задуматься. Все же предлагали мы немало, две «буханки», каждая не старше пары лет, и один УАЗ. И нам прекрасно было видно, что часть в них нуждается, здесь, как и везде, был дефицит именно «командирско-посыльного» транспорта, который можно легко гонять по разным делам, не морщась, как от зубной боли, подсчитывая расход топлива. Заодно я предложил к обмену так и не пристроенный никуда «Паджеро». По поводу же наших «японцев» пока не сказал ничего, у меня относительно них появились другие идеи.

– И что хочешь взамен? – спросил Пантелеев.

– А чего я могу хотеть? – удивился я. – Хочу оружия, боеприпасов и всякого такого. От рации типа «Северка» не отказался бы и еще от горючки в бочках. Сами знаете, какая нам дорога светит.

Пантелеев подумал и от «Паджеро» отказался с ходу. А по поводу остального сказал:

– Сам понимаешь, что такое без зампотыла не решается. А до завтра я с ним поговорить не смогу нормально, ему сейчас не до этого. Хотя приказ командира о помощи вам помню и выводы из этого сделал. Завтра обсудим, в общем. Думаю, что положительно решим, с оружием в требуемых вам объемах у нас нормально. Вас все же немного, не батальон.

На последних его словах у меня в сердце запела-зажурчала свирель, но виду я не подал, лишь похвалил нас самих за выдержку и разумное поведение. Только за счет того, что не рванули сразу прочь от Москвы, а продолжаем крутиться вокруг нее, сумели разжиться оружием и всем необходимым, причем неплохо так разжиться, другим на зависть. Здесь пошарились, там подсустились, и результат налицо. Регулярно наклеваются какие-то возможности усиливаться, главное – их не упускать.

Кстати, взятые с бандитов стволы мы все отдали майору, но патроны тоже себе оставили, почти тысячу «семерки» и пару сотен с картечью для гладкоствола. Так к чему я? А к тому, что мы превращаемся в отлично оснащенный и не хуже вооруженный отряд лишь потому, что стараемся крутиться в гуще событий, а не бежим куда подальше.

Затем я начал напрашиваться на присоединение к нападению на Хлебниково, но получил категорический отказ. Пантелеев сказал, что доступ к продуктам у нас и так будет, поделятся они добычей, раз уж мы им такую цель указали, но операцию проведут его люди, и путающиеся

под ногами «партизаны» там без надобности. Ну если продуктами поделятся, то я и не настаиваю.

Подполковник ушел, доужинав и еще раз напомнив, что с утра ожидает меня в штабе, а я пересел к Татьяне, болтавшей с Викой и Машей. Как я заметил, из столовой вообще никто не уходил – это было самое удобное в здании место для общения. Людей к тому времени еще прибавилось, рабочий день наконец закончился, и столовка превратилась в клуб. Между столами бегали дети, люди болтали, некоторые выпивали даже, хоть и понемножку. Дети нашей рыжей Маши уже обзавелись друзьями и тоже были где-то в зале. Где именно – никто не беспокоился, потеряться они не могли, потому что детей отсюда без взрослых просто не выпускали.

Мимо столика прошли с подносами наши знакомые «мастеровые». Они поблагодарили меня за то, что затащил их сюда. Уже все пристроились к работе, оба по плотницкой части, их жен тоже трудоустроили, одну даже поставили заправлять кухней этой самой столовой. Вторая будет работать пока в детском саду, но они намерены открывать школу. Дети с ходу были отданы в кружок начальной военной подготовки, здесь на этом настаивает командование. Я подумал, что командование очень даже правильно делает, спокойных времен впереди не предвидится, пусть уж умеют защитить и себя, и других.

Я спросил у мужиков, где они живут, и они ответили, что пока в этой самой гостиной, но будут работать на переделке нескольких учебных корпусов в нечто вроде общежития для семейных. Туда их обещали переселить в перспективе, но им больше нравится проект строительства тех самых изб, о которых говорил подполковник. И они надеются перескочить туда, тем более что знают, откуда можно вывезти отличные пилорамы, поэтому есть возможность поторговаться с тыловиками. А наладить производство качественной доски и бруса будет несложно, равно как и строить избы по стандартному проекту, и тогда уже к осени можно будет всех расселить.

Не хватает только торфа, который был бы отличным утеплителем, а стекла надо вынуть аккуратненько из окон тех самых учебных корпусов. Там стекла такие, что их можно порезать на маленькие. В избах больших окон отродясь не было, наши люди о сбережении тепла всегда думали. Потом надо будет лишние панельные корпуса разобрать, а добытый материал пустить на укрепления.

Во как, сразу видно, что мужики теперь при деле, не то что мы – не пришей рукав. Распрощавшись с ними, мы пошли с Таней наверх. Устал я за сегодня, если честно. И не только за сегодня. И морально вымотался, страшно давит на душу это наступающее на города запустение с одними мертвяками на улицах, а уж сегодняшняя банда беспредельщиков окончательно подкосила меня. Как вспомню маленьких голых девчонок-зомби, замученных этими уродами, так хочется поехать, этого Толю с фонаря снять, к жизни вернуть и снова кончить его, причем придумать для этого другой способ.

Сходил в душевую в конце коридора, долго плескался там под горячей водой, смывая с себя усталость и грязь, затем вернулся в номер. Татьяна уже постелила, и я рухнул в кровать, прижав к себе свою девушку, чувствуя запах шампуня на ее волосах.

– Как ты? – спросила она меня.

– Устал, очень устал, – вздохнул я. – Денек бы отдохнуть.

– Отдохни, кто мешает?

– Обещания мешали покуда, – усмехнулся я. – Да я морально устал, на самом деле, от всего этого... что вокруг. Мир в яму проваливается, мы выживаем черт знает каким способом и черт знает где... Пока делом занят, то вроде и ничего, а как появляется время... все думки, думки, мать их за ногу. Лучше и дальше уставать, от этого меньше задумываешься.

– Ты знаешь, а я сегодня весь день на Базе была, думала, – сказала она, закинув руки за голову и глядя в потолок. – Потом здесь осмотрелась, разговоры послушала. И как-то немного легче на душе стало. Все же мы как народ погибать не собираемся. Люди думают

о будущем, причем даже о дальнем, что и как будет через год, через десять лет, через пятьдесят. Всех детей здесь будут готовить на военных, будут заниматься разработкой способов борьбы со всеми этими зомби, морфами и так далее. Уже создают поисковые группы для экспедиций по всяким техническим библиотекам, заводам и прочим. Будут собирать все чертежи, технологии, чтобы ничего не пропало. Я даже думала, может, нам стоит сюда вернуться?

– Может, и стоит, – согласился я. – В любом случае надо будет дать о себе знать, добрались мы до «Шешнашки» или нет. Но у Коврова перспективы лучше.

– А что в Коврове? Там промышленность и все такое, а здесь вроде как интересно.

А то я про это не думал. Как же. Но вслух этого не сказал, а лишь притянул ее к себе:

– Ладно, хорош болтать, иди ко мне, счастье мое...

Сергей Крамцов

29 марта, четверг, утро

К завтраку общий план операции по захвату хлебниковской овощебазы был примерно готов, и Пантелеев выпроводил меня из своего кабинета. Зампотыла части присутствовал на совещании, потому как операция шла в пользу его «департамента», но поговорить с ним по волнующим меня обменно-шкурным делам не получилось, не до того было. Хотя он про распоряжение генерала помнил и даже мельком об этом сказал, успокоил типа. Ну и ладно, мы теперь никуда и не торопимся, если честно. Будем выжидать, да и по поводу состава отряда у меня тоже мысли есть, пока вслух не высказанные.

Выбравшись из штаба, я решил прогуляться по расположению, пользуясь своим удобным, хоть и не совсем понятным статусом «гостя», когда вроде гулять можно, а припахать тебя уже вроде и нельзя. А заодно мне подумать надо бы, почесать в затылке, понять, как и куда жить нам дальше и что для этого необходимо. И в таких мыслях добрел до КПП.

Инженерная техника работала круглосуточно. Все ревело, рычало дизелями, воняло сгоревшей соляжкой и маслом. Базу окапывали уже серьезным, почти крепостным рвом, причем сам ров был очень хитрой формы. По идее, любой упавший в него мертвяк должен был пойти по нему и вернуться обратно или попасть под посты, где получить свою пулю. По верху ров тянулись заграждения из натянутой на колья колючки, за бетонным забором возводились караульные вышки, широкие, крытые, где при необходимости легко разместить целое отделение стрелков, которые могли вести огонь вдоль рвов. Забраться в них полагалось только по подъемным лестницам, втягивавшимся внутрь, а там можно было даже жить в полной безопасности. Чувствовалось, что в «Пламени» о своей обороне думают ежеминутно, и думают светлые головы – все было нестандартно, толково. Новые условия, новый противник – и новые решения.

Путь для машин к КПП и воротам теперь был извилист, зажат разбросанными в шахматном порядке бетонными блоками, да и вообще место становилось действительно неприступным. К тому же, как я знал, батарея «саушек»² пристреляла почти все возможные ориентиры на подступах. Более чем достаточно. Имелись и минометы. А вот минировали только отдельные участки за рвами, специально от людей. Тратить мины на бестолково вытаптывающих их зомби никто не хотел, только лишний расход материала.

От КПП направился к учебным полям посмотреть, как там стройка идет. И тут все внушало уважение. Огромное пустое поле было раскопано канавами, укладывались фундаментные блоки, местами на них уже клали обработанные бревна, а пара небольших, но добротных изб была уже готова.

Возле одной возились двое плотников, одетые в уже везде привычный военный камуфляж «флора», но явно гражданские с виду. Они как раз приколачивали перила к невысокому крыльцу.

– Мужики, загляну в дом, не возражаете? – спросил я, окликнув их.

Один даже внимания на меня не обратил, а второй, низенький небритый дядька лет пятидесяти, кивнул, достал сигарету, закурил и лишь после этого сказал:

– Зайди, жалко, что ли?

Доски крыльца забухали под подошвами тяжелых ботинок, беззвучно отворилась на смазанных петлях новенькая дверь. Я вошел в сени, вдохнул запах свежеструганного дерева, олифы, прошел, похрустывая опилками под подошвами, до следующей двери, что вели из сеней в горницу. Огляделся: а хорошо ведь получилось, добротно. В горнице посередине фундамент под печку, которая явно будет делить ее единое пространство на две маленькие

² САУ – самоходная артиллерийская установка.

комнатки. Окошки крошечные, едва свет пускают, так это и хорошо, теплее будет. А больше и смотреть не на что. Вышел обратно в сени и только сейчас обратил внимание на еще одну дверь. Заглянул за нее... Ага, вот и знак прогресса – унитаз и поддон для душа, выложенный простенькой плиткой. Водопровода нет, но похоже, что наверху бак будет. Больно уж там балки серьезные, под тяжесть рассчитаны.

– Водовозка будет развозить, трубу не тянули, – сказал вдруг из-за спины плотник, тихо вошедший в сени. – А там наверху бак на двести литров, хоть мойся, хоть для кухни. И греть его можно.

– Умно, – поразился я. – А слив куда? В септик?

– А куда же еще? В септик обязательно, – подтвердил мужик. – Септики к каждому дому пристроены.

– А как вообще народ такие домики получает?

– Это через зампотыла, – махнул рукой куда-то мне за спину мужик. – С ним говорить надо, там решают. Они расселяют, кого в избы, а кого в многоэтажки.

– Ага, понял. Спасибо, – поблагодарил я мужика и вышел на улицу.

Интересно, интересно. Вот так планируешь что-то, планируешь, а потом опять задумываешься: хорошо ли? Ковров – это прекрасно, конечно, да только кто мы там? А тут у нас репутация уже, и имуществом мы готовы делиться. Да и вообще, насквозь знакомая Москва под боком, даром что ее мертвецы сожрали. Своя территория вроде как. И дело для всех бы нашлось...

Ладно, потом об этом, сегодня бы мне все же с зампотылом о чем-то договориться да и порешать вопрос пользования учебной базой для моих бойцов. Не зря же здесь даже офицерский спецназ ГРУ тренируется, база-то самая лучшая. Если бы еще Пантелеев какого инструктора им дал, особенно тем, кто у нас самый молодой... ну да это вряд ли, мало у него людей свободных. На совещании сказали, что здесь около двух тысяч человек сейчас, и бойцов из них чуть больше четырех сотен, остальные сплошь гражданские. А задач у этих четырех сотен выше головы, не успеешь сейчас что-то сделать – дальше поздно будет. Ладно, нам бы к учебной базе доступ. И можно – к материальной. Не откажемся.

Нагулявшись по территории, я направился сразу на обед, мне о нем Татьяна по радио сообщила. А то так бы и шлялся дальше, думок-то в голове как блох на собаке, все не передумаешь. И соблазны, соблазны... Плохо ли, например, оставить здесь всех небоеспособных, прихватив с собой только бойцов? Сколько бы проблем снялось тогда? Много. А так, малым отрядом, да если еще оснаститься получится... Это сколько геморроев вместе с головной болью снимается? Да не сосчитать. Впрочем, что пока об этом думать, думкой дурень богатеет.

Вернувшись в гостиничный корпус и зайдя в столовую, я обнаружил там уже одних наших. Алина Александровна сказала, что все прибывшие с нами направились на обязательный медосмотр. Тут решили беречься от всего, даже от эпидемий. Нас на осмотр не приглашали потому, что мы не вливались в общество, а должны были ехать дальше.

За обедом я сидел с Алиной Александровной, которая расспрашивала, что делается за пределами территории «Пламента». Поговорить до этого дня толком так и не получалось, то одно мешало, то другое, суетная была жизнь. Сегодня в первый раз вот так все вместе за стол уселись, а то в другие дни кто-то обязательно в наряде был, на чердаке сидел.

Когда я рассказал, что явно наступает перелом в пользу мертвяков, Алина Александровна кивнула и сказала: «Так примерно я и рассчитывала. Еще дня четыре-пять, и живых людей иначе как в укреплениях не останется в этих местах». А я задумался над тем, когда же вообще освободятся дороги на достаточное расстояние от Москвы? Хотелось бы дождаться того момента, когда банды беспредельщиков, такие как та, с которой мы столкнулись, будут вытеснены мертвяками. Через мертвяков-то мы на своих машинах проедем, я уверен, а вот через вооруженные засады? Очень даже сомнительно. А схлынет поток беженцев с дорог,

исчезнут и мародеры, как мне кажется. Что им тогда на пустых трассах делать? Найдут себе другое занятие.

Еще одна новость: очень странно стал вести себя дегтяревский кот. Как будто чувствуя что-то подозрительное в воздухе, он все время ходит следом за Алиной Александровной, даже в столовую, где укладывается рядом с ней на длинной лавке. И что еще интересней – так поступают и другие коты, которых на базе было немало, ведь сюда ехали семьи в полном составе, никого не бросали. Хватало здесь и собак, и попугаев, и морских свинок в клетках. Интересно, что кобель Мишка облюбовал себе для сна и отдыха пространство под одним из наших «Садко», где и проводил большую часть времени, вальяжно развалившись на земле. Но нас это обрадовало, потому что мы поначалу ума не могли приложить, куда размещать эту здоровенную собаку.

Другое дело, что вскорости должны были закончиться запасы собачьего корма, и чем тогда прикажете кормить эту псину? Тушенкой драгоценной? По две банки в один присест? Эх, и об этом думай...

После обеда я распустил всех на отдых, оставив возиться с машинами лишь тех, кто в этом понимал. Леха ушел к себе в номер, превращенный в наш персональный склад РАВ, где занялся одному ему ведомыми оружейными делами.

Уже ближе к темноте увидели целую колонну КамАЗов, идущую к складам. Зашедшие за ними на территорию бэтэры выстраивались в линию. Пантелеев сидел на броне и что-то командовал в «короткую» рацию. Сказав своим, что подойду позже, со всех ног рванул к подполковнику.

Вид у него был явно довольный, он был словоохотлив и сразу рассказал, как все прошло, не погнушавшись пройтись со мной вдоль ряда машин. Как я и подозревал, колонна пришла из Хлебникова. Взяли овощебазу мгновенно, почти что без единого выстрела, а если и стреляли, то больше для острастки. Часть ее защитников разбежалась, но большинство «взяли в плен», то есть, грубо говоря, переловили.

По завершении краткого расследования выяснилось, что бывших владельцев товара и работников бесконечных торговых фирмочек специально никто не убивал, если они, конечно, не сопротивлялись, а всех их просто или выгнали, или оставили работать грузчиками за еду и кров над головой. Ну и держали взаперти, не без того, сразу сообразив воскресить традиции рабовладения. Если же возникали с кем из них проблемы, то такого строптивого заталкивали в специальный бокс с мертвяками, которые его и рвали в клочья, чего обычно хватало для полного устрашения остальных. Вояки рабов освободили, а на их должности поставили изловленных ментов с бандитами, которые и грузили сейчас военные грузовики очень старательно.

Продуктов там было очень много, продовольственная проблема в «Пламени» теперь была решена года на три вперед, и это по самым пессимистическим прогнозам. Эти пятнадцать грузовиков, прошедших к складам, лишь первая ласточка из того, что должно поступить сюда. Везти придется не один день даже, поэтому половина роты с броней осталась в Хлебникове, а вторая конвоирует колонну. Завтра в Хлебникове перебросят подкрепление, доведя численность гарнизона до роты, и будут его там держать до тех пор, пока не вывезут все стоящее.

Еще неплохим приобретением оказались два бэтэра с отлично вооруженными и экипированными подмосковными омовцами и два грузовика с их семьями; омовцы, как оказалось, сами планировали нечто подобное на овощебазе, но сил у них не хватало, поэтому с радостью примкнули к воякам из «Пламени», стоило тем показаться на подступах к объекту.

Сейчас они должны были разместиться на новом месте, после чего отбыть в Хлебникове на охрану базы до завершения вывоза. Они же дали «целеуказание» на огромный медицинский склад поблизости, да и местную нефтебазу, к удивлению Пантелеева, не успели растащить – ее

тоже подгребли под себя кавказцы, которые, в отличие от неудачливых коллег с продсклада, успели своевременно смыться.

В общем, получалось так, что военные заполучили гораздо больше, чем предполагалось: и солярку, и лекарства, и медицинское обрудование, и два взвода личного состава. И, справедливо решив, что надо ковать железо не отходя от кассы, я снова напомнил Пантелееву про обещание генерала Лаптева «помочь материально», а заодно – и про обмен. Пантелеев слегка озадачился такой моей настырностью, но в матерщину против ожидания не сорвался, а спросил:

– Ну и чего ты хочешь получить?

– Пулемет. Или два, – начал я перечислять. – Гранатомет. Пусть даже несколько «Мух», или седьмой эрпэгэ, неважно, лишь бы что-то было против техники. Патроны к пулемету и выравнитель для лент. И гранат бы нам, с гранатами вообще беда. Да и просто патронов. Но реально не имущества хочу просить, с имуществом у нас и так нормально.

– А чего хочешь? – чуть насторожился он.

– Оставить у вас гражданских, пока мы в Горький-16 скатаемся, – сказал я о главном. – Ну и обещание, что их заботой не оставите, если мы вдруг не вернемся.

– Понял, – кивнул он сразу же.

Непохоже, что я его озадачил или что-то новое сказал. Интересно, почему так? Впрочем, он сразу все объяснил:

– Я тебе сам предложить хотел такое. Ты же все равно-на возвращаться сюда будешь, как иначе сообщить, выполнил задачу или нет? Мы-на даже с командиром это дело обсуждали.

– И что решили? – чуть не подскочил я от любопытства.

– Доставите что полагается и куда полагается – получите у нас жилье, – сказал он. – На весь ваш отряд, хоть избы, хоть квартирки в корпусах. Ну а если... хоть и не стоит об этом, то не пропадут ваши люди, позаботимся и к делу приставим.

– Вот это да! – восхитился и обрадовался я. – А я как раз в избушки ваши заходил, завидовал. А тут... Ладно, дело за малым осталось, только доехать и вернуться. Тогда... думаю, заберите УАЗ с двумя «буханками», владейте. Вам тогда нужнее. И «садок» один отдать можем.

– Хорошо, пришлю людей, – кивнул он. – Спасибо. «Садок» себе оставь-на, такого добра у нас хватает, а тебе еще пригодиться может. Гражданским вон оставишь-на, на всякий случай. А ты вот скажи, уже из чистого любопытства-на: а что думаешь делать со всеми своими «тойотами-ниссанами»-на? Их-то куда? Нам, сразу скажу, такие вроде как и без надобности, проблем себе не ищем.

Ну тут он заблуждается, насчет проблем, но разубеждать не буду. Пусть так и дальше думает. Любая из этих машин без серьезного ремонта не одну сотню тысяч отбегать может, особенно если ее специально не насиловать. За то эти марки и выбирают во всяких Африках с Южными Америками. Но пусть так и дальше думает.

– А ничего, – ответил я. – Если Степаныч наш здесь останется, ему не трудно будет их время от времени заводить и круг по территории проезжать. А если вернемся, то мало ли как с остальным все сложится? А так машины будут.

– Понятно, – кивнул он. – Разумно-на. Состояние «есть какая-то машина» всегда лучше-на, чем состояние «никакой машины нет». Тогда составляй список желаний-на, удовлетворим его по возможности, раз уж мы от базарного обмена к нормальному-на сотрудничеству перешли. А завтра с утра подъезжайте к складам РАВ, оттуда со мной на связь выходите.

И похлопал себя по «короткой» рации, висящей у него на плече.

– Сразу скажу-на, – добавил он. – По снайперским винтовкам у нас дефицит и запрет на раздачу, мало их-на. Ничего не дадим. Ну и еще пара-тройка ограничений есть. А в остальном-на, если изыски не нужны, выдадим что нужно.

– Да зачем нам изыски? – даже удивился я. – Я бы даже «Винторез» не взял, предлагай мне его кто. Где я к нему патроны буду добывать? Я бы даже АЕК³ не взял, если бы давали, хоть и знаю, что он по стрельбе лучше «калаша» в два раза ровно. Мне лучше то, где с надежностью и ремонтом без проблем. Лучше тротила дайте и разных СВ⁴ к нему. Мало ли как все в будущем пойдет?

– А умеешь справляться? – удивился он.

– Инженерная разведка все же, – чуть поклонился я. – Справлюсь. И ротный у нас был гранат этого дела, учил всерьез. А если «калашей» подкинете, будем только счастливы.

– Дадим мы тебе автоматы-на, – усмехнулся Пантелеев. – Но у тебя уже стволов-на... небось по три на каждого, включая кота?

– Товарищ полковник, я же в полную неизвестность еду, в «Шешнашку» эту гадскую, провалилась она совсем, – ответил я, перехватив его ироничный взгляд. – Ну мало ли что случится? Там же зоны кругом, не уверен, что даже проехать сумеем. А если кто-то присоединится к нам, чем его тогда вооружать? Я сейчас каждому лишнему патрону в заглазнике рад, не то что стволу. Да и не так их уж и много, стволов этих, как раз нормально людей вооружили, только-только. Причем все сами до ума доводили, это же обычный АКМ был. Все вот это... – я ткнул пальцем в коллиматорный прицел, в складной приклад и хитрое цевье, – все это сами ставили.

– Ну ладно-на, ладно, уговорил, – уже засмеялся он. – Все, извини-на, сегодня дела зовут. А завтра тебе, кстати, намерен задачу поставить, раз ты тут все равно-на бездельничаешь и даром казенный борщ ешь.

– Чего это я бездельничаю? – притворно возмутился я, демонстрируя измазанные в машинном масле руки. – Профилактика техники, парковый день, все по-честному.

– Ага, без обмана, – хохотнул он, хлопнув меня по плечу. – Бывай, до завтра. Дел у меня полно.

³ Автомат С. Кокшарова, построенный по схеме «сбалансированной автоматики», т. е. работающий почти без отдачи.

⁴ Средства взрывания. Предназначены для приведения в действие взрывчатых веществ (детонаторы, детонационные и огнепроводные шнуры, подрывные машинки и пр.).

Александр Бурко, председатель Совета директоров компании «Фармкор»

29 марта, четверг, день

Всегда деятельный Бурко, просидев два дня у себя в усадьбе в безделье и ожидании у моря погоды, откровенно умаялся скукой и, прибыв в Центр, с ходу привычно взялся за дела. Теперь ему в руки перешло правление, считай, над целым городом. Пять тысяч человек, собранных в одном месте, – не шутка. Как ни планировали, что ни замыслили раньше, а проблем все равно было выше головы. Но с проблемами справлялись. Недаром он подобрал себе таких толковых помощников.

Через несколько дней после заселения в Центр, Пасечник с Салеевым сформировали группу, которая должна была двинуть в сторону Нижегородской области, где ей поручалось организовать перехват Крамцова с Дегтяревыми, если расчет Пасечника оказался верным. Группа была немалая, около ста человек, на двух командирских «Тиграх», четырех «Водниках» и восьми новеньких «Выстрелах» – камазовских бронемашинах, которые, по настоянию Салеева, закупили вместо планируемых БТР-80. Их и чинить проще, и расход топлива у них ниже, и вместительность с грузоподъемностью хоть куда. А проигрыш в проходимости незначительный. Впрочем, в Центре и нормальные бэтээры имелись, взятые с военных складов. Пошли с колонной и грузовики – бронированные «Уралы» с боекомплектom, техничка и два наливника. Серьезная, в общем, колонна получилась.

Двадцать человек в отправлявшемся отряде были из «департамента» Пасечника, бывшие фсиновцы и следователи. Еще восемьдесят человек – бойцы Салеева, «силовики». Силы, более чем достаточные для выполнения поставленной перед ними задачи. Документами их снабдили самыми непробиваемыми, чтобы ни у кого вопросов не возникало. Отряд спецназа ФСИН на задании. Сверхважном, сверхсекретном. Все, не могли трогать.

Задачи были поставлены, каждый в отряде знал, что ему следует делать, поэтому никакого напутственного инструктажа не проводилось. Экипажи выстроились перед машинами, а затем погрузились на транспорт, который построился в колонну и пошел за ворота Центра.

Отправив отряд, Бурко в сопровождении Пасечника пошел обратно. Он заметил, что уже втягивается в управление Центром, и это ему интересно, намного интересней, чем управлять фармацевтической компанией. Там производство, финансы, все время оглядка на интересы многих, на законы и правила, а здесь... судьбы людские, жизни людей зависят от его действий. И все атрибуты власти имеются. Даже тюрьма построена в одном из «учебных корпусов» Центра, в подвале. Хорошая тюрьма, мрачная, откуда наружу и звука не просочится. Где можно убеждать не только словом, но и делом. Весь этот корпус, кстати, отошел «департаменту» Пасечника, разведке, контрразведке и силам правопорядка нового, пусть и маленького, государства. Но это пока маленького, а что будет дальше... Тут, как говорили в Одессе, «будем посмотреть».

Соседний с безопасниками корпус занял Салеев со своим «Министерством обороны и Генштабом» в одном лице. К штабу примыкал еще один корпус, нечто вроде очень разросшейся караулки, где на круглосуточном дежурстве пребывала ГБР⁵ численностью аж в полсотни человек. Мало ли что!

Семья Бурко уже осваивалась в новом для себя месте. Причем переселение прошло безболезненно, творящееся за периметром базы было достаточным стимулом для того, чтобы его жена была счастлива новым местом жительства. Она общалась с женами Домбровского и Сале-

⁵ Группа быстрого реагирования.

ева, с которыми и до того близко дружила, детям тоже было с кем играть. «Господская территория» была удобна, безопасна, комфортабельна. Никто не мог войти туда, минуя пост на въезде, где несли службу трое гвардейцев, вооруженных и экипированных до самых зубов, даже заглянуть через забор нельзя было ни с одной точки – все предусмотрел ее супруг.

А вообще, работа на территории Центра кипела. Грозить и подгонять никого не требовалось, люди видели своими глазами, что происходит за пределами их безопасной земли, и старались изо всех сил. Стройматериалов хватало, рабочих рук и техники тоже. Здания быстро и аккуратно переделывались в жилые дома, на фабрике обустривалась новая лаборатория, еще лучше того института, что был в Москве, на Автопроездной улице. Именно здесь будет создана та вакцина, которая даст в руки Бурко ключи от всего уцелевшего мира.

У входа в «Министерство госбезопасности» они с Пасечником расстались. Тот вошел в подъезд своего пока еще мало кому здесь известного здания, а Бурко направился домой. Он предпочитал работать там, а при необходимости, если требовалось его присутствие, приходил в нужное место. Прошел через охраняемые ворота, помахал рукой играющим во дворе дочкам и жене. Та улыбнулась, махнула в ответ. Все же и она понемногу осваивается. И даже начинает втягиваться в дела базы, занявшись организацией детского сада. Именно на это Бурко больше всего надеялся – безделье в четырех стенах может свести с ума.

Он поднялся на третий этаж «господского дома», который полностью занимала его квартира. Она была раз в пять меньше его подмосковного дома, но, если быть честным, по его потребностям большая и не требовалась. Две детских, их с женой спальня, еще одна спальня «на вырост», его кабинет и просторная гостиная. Что еще нужно? Он прошел в кабинет, который был заодно и библиотекой. Книги в основном перевезли, и теперь они на полках закрывали все четыре стены. Большой полукруглый стол, на нем два телефона и компьютер.

Александр сел в удобное высокое кресло. Откинулся, потянулся, закинув руки за голову. Что у него сегодня по плану? Дел теперь выше крыши...

Тут раздался телефонный звонок из отдела Пасечника. И не просто звонок, а можно сказать – приятный сюрприз. В ворота Центра постучался некто Братский, «теневого партнера» Бурко в компании «Фармкор». Не тот партнер, который из тени помогает расти частной компании, пользуясь своим государственным положением, а тот, который приходит и просит продать ему по номиналу (читай – раз в двадцать дешевле реальной стоимости) акции твоего детища. В противном случае обещая большие неприятности по всем направлениям, от проверок налоговой до отзыва кредитов банками. И главное, что он потом не забывает делать, так это напоминать о том, что он регулярно нуждается в деньгах. И семья его нуждается. А в чем нуждаешься ты, предпочитает не выспрашивать и голову себе твоими проблемами не забивать. Поэтому, когда Бурко доложили, что прибыл Братский с семьей и охраной и требует предоставить убежище, он лишь улыбнулся и приказал провести гостя в кабинет Пасечника, где пообещал с ним встретиться.

Сергей Крамцов

30 марта, пятница, утро

С утра, когда мы заводили «буханку», намереваясь использовать ее как грузовик для перевозки обещанных Пантелеевым материальных благ, раздался треск мотоциклетного мотора и к нам подкатил расписной квадроцикл «Ямаха Рэптор», за рулем которого, сияя от гордости, сидел молодой сержантик из роты МТО,⁶ явно из срочников.

– Меня подполковник Пантелеев за вами прислал, – с ходу объявил он, лихо развернувшись почти на месте. – Проведу вас на склад РАВ.⁷ Готовы?

– Это откуда такая красота? – спросил Шмель, кивнув на японскую диковину.

– Да вывезли вчера целый склад всякой мототехники откуда-то, вот и распределили по посыльным, – сообщил сержант. – Так что, едете?

– Веди, – кивнул Леха, усаживаясь за руль.

«На промысел» мы отправились вчетвером, Шмель с Лехой, да я с Сергеем. По нашим прикидкам, «буханки» должно было хватить за глаза с ее грузоподъемностью почти в тонну, кто бы нам вообще столько всего выдал? Но, конечно, побольше хотелось, побольше.

Сержантик лихо катил на своей четырехколеске, треща мотором и ловко закладывая виражи, мы едва за ним поспевали, и вскоре наш УАЗ въехал в ворота в сетчатом заборе, окружающем склады учебного центра. Там же стояла кремового цвета «Нива», утащенная откуда-то с улицы, на которой приехал Пантелеев. За «Нивами» теперь охотились специально, и, если она просто стояла на улице и на нее никто явно не предъявлял права, очень высока вероятность была того, что она окажется на территории «Пламения». Или какой другой территории. «Нива» теперь стояла больше любого «Гранд Чероки» – простенькая, проходимая, несложная в ремонте и с умеренным аппетитом.

– Ты, Серега, видишь-на, до чего дошел? Целого подполковника-на по своим делам, как салабона, гоняешь! – вместо приветствия заявил Пантелеев, выбираясь из тесноватого для него салона маленького внедорожника.

Однако, судя по выражению его лица, он явно был чем-то доволен. Чем именно, он сам сказал через минуту. С ним связывались по радио зампотыл и начпрод, и с их слов выходило, что новообразуемое поселение на территории учебного центра «Пламения» не будет испытывать потребности в продуктах как минимум года четыре. И все это достижение зачислили нашему отряду в актив. Именно это Пантелеев нам и сообщил, а я мысленно пересчитал похвалу во всякое имущество. Идея такая мелькнула, что появилась возможность просить больше. И я попрошу, в этом даже не сомневайтесь. В конце концов не обеднеют они, если на пару лишних стволов или ящиков с патронами разорятся, я им целый продсклад подогнал, не считая трех машин. Правда, они тоже пообещали решить в будущем наши жилищные проблемы, но об этом пока не знал никто, кроме присутствующей здесь четверки. Ну так нефтебаза и медсклад им тоже бонусом прошли, так что нечего...

На складе нас приняли невысокий тощий майор и с ним немолодой старший прапорщик. Как выяснилось, им дали распоряжение выделить со склада то, что скажет Пантелеев. Не мы, а именно он. А жаль. Жаль. Будем надеяться, что не обидит.

– Ну что, «лесные братья», с чего начнем-на? – спросил Пантелеев.

– С пулемета, – сказал Леха. – Пулемет хотим.

– Пулемет я вам... пожалуй, что дам, – сломал историческую фразу из «Белого солнца пустыни» подполковник. – Серега, дай ребятам пулемет! И ствол к нему-на.

⁶ Рота материально-технического обеспечения.

⁷ РАВ – ракетно-артиллерийское вооружение; склад РАВ – обычно оружейный склад, включающий и стрелковое оружие.

– Леха, иди с майором, – подтолкнул я друга.

Те пошли в глубь большого складского бокса, напоминающего гараж-переросток, заставленный зелеными ящиками, и вскоре вернулись обратно с совершенно новеньким ПКМ и запасным стволом к нему. А Пантелеев тем временем спросил у меня:

– Сколько человек-на вооружаем? Я боевыми единицами интересуюсь, тыловиков своих ты уже из личного-на свободного имущества оснащай.

– Десять человек у меня вполне боевого применения, – прикинув в уме, ответил я.

– Да ну на хрен! – не поверил Пантелеев и даже отмахнулся. – У тебя там девчонки-на сопливые.

– Эти сопливые уже людей убивали, о мертвяках и не говорю. А тут еще и в повешении с кастрацией поучаствовали, – усмехнулся я. – Надо продолжать?

Пантелеев аж присвистнул, затем поинтересовался повешением. Пришлось рассказать ему историю с бандой из Солнечногорска, кратенько. Он покивал, затем сказал:

– И вправду, можно в штат вводить. Ладно, десять так десять, не обеднеем-на. – После паузы продолжил: – Так, пулемет мы вам дали, это уже минус один. Снайперку не дадим, я-на предупреждал.

– Да есть у нас, – сказал Леха, показав свой «Тигр», с которым не расставался.

– Так это же «Тигр»-на, там и нарезы другие, и регулятора нет, и вообще не то, – отмахнулся подполковник.

– А что, что-то взамен предлагаете? – полюбопытствовал я. – Если предлагаете, то согласен: «Тигр» – дерьмо.

– Нет, – решительно заявил он. – Просто говорю. На предмет мнение-на высказать.

– А если мнение, то оно мимо, – засмеялся я. – У Лехи и ствол от СВД стоит, и регулятор имеется. Так что там от «Тигра» ничего и не осталось, чистая СВД.

– Ну тогда и ладно, – заключил Пантелеев. – Автоматов-на дам шесть всего, их у вас и так куча, лучше патронов отсыпем на недостащу-на. Согласен?

А что мне несогласным быть? Оружия у нас и вправду уже хватало, чего греха таить, это он верно заметил. На каждого по несколько стволов будет, надо уже собственный склад РАВ заводить. В кунге. А вот патроны – это расходники, много их, точно, никогда не будет.

Старший же прапорщик к тому времени отобрал три АК-74М, новеньких, в заводской еще смазке, и три же АК-105, укороченную версию. К каждому приложил комплект поставки, по четыре пластиковых черных магазина, по брезентовому ремню и по принадлежности.

– Откуда это у вас? – удивился я, показав новые «укороты», которые стали заметно длинней прежних «ксюх». – На вооружение же их вроде не принимали?

– Не принимали, – согласно кивнул старший прапорщик. – Но войсковые испытания проходили, а где испытывают? У нас и испытывают. Часть расстреляли начисто, так что нарезы вовсе стерлись, а часть так и осталась, лежат себе на складе. Даже не трогали, их же с запасом завозили. У нас на них сейчас спрос так себе, люди к длинным привыкли. И даже запасных стволов в артмастерской к ним нет, а у вас самой мастерской не водится. Вот и поступила команда вам выдать.

– Возьми, убоже, что нам негоже? – съехидничал я.

– Примерно так, – не смущаясь, подтвердил старший прапор. – Да нормальный автомат, по меткости почти такой же, как длинный. Сам отстреливал.

А нам-то что? Прапор на сто процентов прав, у нас ведь артмастерской нет, где мы их чинить будем? Да и что их чинить, если надежность у этой модели вроде как у молотка? Нам его гарантийного ресурса за глаза хватит, десять тысяч выстрелов – это еще в жестком режиме, если аккуратно, так намного больше. Зато планки под боковые прицелы на всех есть, а у нас всякой оптики хватает. Гармония! А если уж откровенно, то «сто пятый» в одном классе с аме-

риканской М4 выступает, так что вполне полноценное оружие, разве что надежностью переплевывает ее в сотни раз.

– А что с патронами? – спросил Леха, уже закинувший пулемет в машину и сиявший довольной лыбой.

– Патроны потом выдадим, другой бокс откроем, – ответил майор, после чего заглянул в бумажку. – Получите две тысячи к пулемету, пятьсот «снайперских», пять ящиков к автомату, из них ящик семь шестьдесят два, и два цинка пистолетных. Доволен?

– Так точно, – кивнул я и спросил: – А парабеллумовских нет?

– А тебе зачем? – удивился Пантелеев, кинув взгляд на мой ПБ.

– «Грач» у меня еще имеется, но патронов к нему совсем мало, – объяснил я.

Подполковник посмотрел на прапора. Тот кивнул:

– Дам несколько пачек, штук двести. Нормально? У нас их немного.

– Нормально? – переадресовал вопрос мне Пантелеев.

– Да отлично! – обрадовался я.

Хотя могли бы и побольше. Всего побольше и можно без хлеба. Но, с другой стороны, у нас ведь еще от кантемировских военных осталось «семерки» под две тысячи, а «пятерки» так и вообще тысяч около шести. И тысяча с лишним пистолетных имеется – это очень много. И очень хорошо.

– А что с граником? – снова сбился я на актуальную тему.

– «Мухи» у нас остались, от былых времен, – ответил за Пантелеева майор. – Два десятка вам отвесим. Прямо сейчас.

– А у них срок хранения-то не вышел? – слегка возмутился я. – Им-то лет сто небось?

– Нет, не вышел, – решительно заявил майор. – И проверяли отстрелом несколько штук на днях. Никаких проблем не возникло, я лично отвечаю. И ручных гранат дадим в нормальном количестве.

– А, тогда ладно, – успокоился я. – Если и вправду в нормальном количестве.

По нашим потребностям, «Муха» как бы даже и не самый лучший вариант. Легкие они и в принципе все, кроме танка, способны в расход вывести достаточно быстро. А противника на танках мы, если честно, особо и не ожидаем. Зато можно каждому по одной за спину повесить, даже лучше, чем специально гранатометчика выделять.

В общем, чего грешить, не обидели нас. Три нормальных автомата, три укороченных, пулемет. Патроны все, какие обещали. Гранаты. В ящиках, и «эфки» и РГД. Двадцать раскладных «Мух», которые мы загрузили в машину эдакой импровизированной вязанкой. Две тысячи патронов к пулемету, патроны отдельно, ленты – отдельно. Выравниватель для лент тоже дали, старый-старый, но рабочий. И за то спасибо, они вечно в дефиците, сколько помню всю эту кухню.

А вот за остальное – спасибо отдельное. Ящик мин ОЗМ-72, «лягух» – шесть штук. Еще шесть направленных «монок», пятидесятих, уложенных в ящик в брезентовых сумках. Ящик тротила, а в нем шестьдесят пять двухсотграммовых шашек и тридцать шашек по четыреста грамм. Десяток килограммовых брикетов пластит. Два мотка шнура ДШ-А (водостойкий ДШ-В не дали, жаба задавила). Два мотка огнепроводного ОША. Целая коробка детонаторов, всех типов, огневых, электрических, запалов и капсулей-детонаторов, зажигательных трубок всех размеров, подрывные машинки. Допотопная КПМ-1 и целых шесть, по числу «монок», современных маленьких ПМ-4. Много можно взорвать.

– Ну что, доволен-на? – спросил меня Пантелеев, когда все полученное добро мы кое-как пристроили в УАЗе.

– Доволен. Должно хватить нам до места, – кивнул я. – И за место даже.

– Когда выдвигаться думаешь?

– Пока не знаю, – покачал я головой. – Будем смотреть по обстановке, когда всякая левая активность на дорогах стихнет.

– А чем пока заниматься планируешь? – начиная подводить разговор к своим интересам, спросил Пантелеев.

– Личный состав учить, технику готовить, – ответил я. – Подготовкой, одним словом. А что, есть что-то для нас?

– Есть, – кивнул он. – Во-первых, есть у меня намерение-на разведку в Москву послать. Хочешь пойти?

Признаться, вопрос меня ошарашил. Что там можно в Москве разведывать, откуда почти ни одна машина уже не вырывалась? Это я у Пантелеева и спросил.

– Теперь как раз и время разведывать-на, – ответил тот. – Люди город покинули, а осталось там всего выше башки. Ценного имущества-на, важных объектов. Вот и разведаем-на, что уцелело и где, пока все цело. А заодно хотим на твой институт глянуть, надо, чтобы ты показал.

Вот оно что... Разумно. Пустой город оставить исключительно мертвякам? Не годится. А ведь прорваться на броне туда труда не составит. И мертвяки помехой не будут, это как в сейфе на колесах. Тем более что мародеры там и так всю орудуют, насколько я понимаю. Да и нам самим следует подумать о вылазках, если честно, а с предварительной разведкой, в безопасности бронетранспортерного брюха, можно все куда лучше организовать.

– И когда выход планируете? – уточнил я.

– Послезавтра в шесть утра. Пойдешь?

– Обязательно.

– Договорились, – кивнул Пантелеев. – Завтра в восемь в инженерном классе жду на постановку задачи. Послушаешь-на, может быть, подскажешь что путное. А вообще, еще вот что... – придержал он меня.

– Что?

– Хотим поразведать обстановку вокруг города. Посмотреть, чем народ дышит-на, о чем говорят и так далее. Ты ведь пытаешься свою «Паджеру» куда-то пристроить?

– Ну да... – чуть нахмурился я, не понимая окончательно, куда он клонит.

– А попробуй ее на базаре-на сменить, – сказал Пантелеев. – Слышал о таком?

– За водохранилищем? – уточнил я. – Говорили что-то, но так, в общих чертах все больше.

– Именно, – сказал подполковник. – Неожиданно быстро такая активность началась, хочется глянуть, что там и как.

– А почему мы? – удивился я. – Может, проще кому из разведки?

– Заняты все из разведки, – ответил Пантелеев. – Ребята вы серьезные, но не военные, не поймешь и кто-на на первый взгляд. К вам там с уважением-на должны, тем более вы с товаром. А вы нам потом скажете, что это такое и кто руководит такой коммерческой активностью-на в наше тяжелое время. Да и вообще, надо понимать начинать, что вокруг-на делается, что и хочу вам поручить пока. А то у меня ни людей, ни возможности этим всем заняться. А горячки дам, не вопрос.

– Хм... – чуть озадачился я. – Ну... можно, почему нет? Она нам все равно никуда, так хоть пристроим.

– Во-во, – подтвердил Пантелеев. – А там что-то полезное на нее выменяете. Может быть. Ладно, пора мне. На постановке задачи жду.

Пантелеев сел в «Ниву» и отправился по своим делам, а мы погнали изрядно нагруженный УАЗ к гостинице. Там мобилизовали весь наш не слишком многочисленный личный состав, Шмель пригнал из парка «Садко», один из двух, от которого военные отказались и который мы решили превратить в собственный передвижной склад, после чего взялись за пере-

грузку и перераспределение нашего новообретенного имущества. Дело шло к выезду, надо было составлять штаты отряда, а заодно и штатное вооружение. Это не говоря о том, что я задумал насчет наших гражданских. Та еще проблема будет, я точно знаю, поэтому и оттягиваю все объяснения.

Сергеич взял на себя пулемет. То, что он умеет с ним обращаться, как положено, он доказал еще вчера, «потренировавшись» с местным ПКМ на стрельбище. Ни Леха, ни я так не умели, так что вопрос с пулеметчиком был решен. Шмель же пообещал соорудить в местной мастерской под него нечто вроде турели, позволяющей устанавливать оружие на УАЗ – тоже нелишнее будет. Кстати, Шмель с Лехой в той же мастерской переделали мой помповик в обрез. Сняли с магазина экстендер, сократив его емкость до четырех патронов, ствол спилили на такую же длину, и в результате я получил вполне компактное ружье, которое можно подвешивать за спиной и носить в качестве второго ствола. И заряжать его даже не картечью, а дробью «два ноля», памятуя о том, что где-то ползают не только мертвые люди, но и мертвые же крысы, твари зловредные.

Кстати, тот же Шмель почему-то очень обрадовался наличию пластита. Эта неожиданная его радость меня заинтересовала, и я спросил, в чем ее причина?

– Так пластит-то, елы-палы, мощней тротила раз в пять, кажись, – заявил Мишка.

– Это кто тебе сказал? – поразился я.

– Ну... все говорили, – немного растерялся он.

– А ты слушай больше, – решил я просветить бестолковую «мазуту». – Что такое пластит? Гексоген с пластификатором. Гексоген мощнее тротила на четверть, а содержание его в пластите – чуть больше трех четвертей от массы вз-вз. Ну и считай сам.

– В смысле... баш на баш получается?

– Ага. Один в один почти что, тот же тротил. Экономишь только на том, что он плотнее прилегает к объекту взрывания, и все. Ну и напихать его во что-то легче. Ну ты, войска, и темнота!

Я не отказал себе в удовольствии слегка нагнуть Мишке кулаком в лоб.

– погоди... А говорили, что гексоген, которым дома в Москве взорвали, слабее тротила, – даже не заметив моего удара, сказал Шмель.

– А кто сказал, что взорвали гексогеном? – возмутился я. – Вот люди, блин, плетут что хотят... Взрывали селитрой, гексоген, может быть, в качестве промежуточного детонатора использовали. У них с селитрой одно общее – и то, и другое порошок. Только ты найди такую кучу гексогена сначала, я его сам в глаза-то не видел никогда. Он в морские мины идет и в бэ-че ракет.

Мишка сощурился:

– Погодь, врут, что ли?

– Нет. Добросовестно заблуждаются, так сказать. Журналист не тот, кто знает и говорит, а тот, кто может говорить о том, чего не знает. Они же сами рассказывали, чехи пленные, как где-то смешивали взрывчатку и насыпали в мешки. Значит, это аммиачная селитра была, в виде аммонита, динамола или аммонала.

– А как она? – заинтересовался Шмель.

– Вот она по бризантности действительно слабее. А по фугасности сильнее. Ее все больше гражданские используют, в земляных работах и так далее. Если дом разрушить, так то, что надо.

– Ты словами то не понтуйся тут... бризантность... фугасность... – заявил Шмель. – Скажи толком.

– Толком это так: скорость, с какой вз-вз детонирует, – бризантность. Чем быстрее, тем лучше те же осколки разлетаются. – Я изобразил руками что-то разлетающееся. – А фугас-

ность – это сколько газов образуется при взрыве. Если, скажем, землю взрывать, то чем больше газов, тем больше земли выкинет. Вот и все, в двух словах.

– Ишь ты... Как выучите чего... – вздохнул Шмель. – Ладно, пошли имущество делить, народ заждался.

Я почувствовал, как кто-то аккуратно потянул меня за полу анорака. Я обернулся и увидел стоящую у меня за спиной Лику. Выражение лица у нее было серьезным и сосредоточенным.

– Обед скоро будет? – спросила она.

Я немного растерялся, не по моей части вопрос явно, посмотрел на часы и ответил:

– Через час примерно. А ты уже есть хочешь?

Маша стояла неподалеку, в разговор не вмешивалась и слегка улыбалась.

– Нет. Я конфет хочу, а мама говорит, что до обеда нельзя, – ответила Лика и спросила: – А час – это долго?

– Нет, пожалуй. Погуляешь с мамой, и час как раз пройдет. Договорились?

Она с серьезным видом кивнула. Ну что же, я молодец, и конфетный кризис разрулил. Прирожденный политик, Бриан, который голова.

Александр Бурко

30 марта, пятница, день

– Александр Владимирович! Вы зачем так поступаете? Как вы смеете?

Седоватый, упитанный мужчина лет пятидесяти, с красным от злости лицом, в рубашке без галстука и ботинках без шнурков, стоял по ту сторону решетчатой двери, отделявшей его от собеседника. Решетка была совсем новая, покрашенная белой краской, но от этого не ставшая более привлекательной – все же она отделяла тесную бетонную коробку тюремной камеры, в которой стены даже и не красил никто, давая возможность рассмотреть плотно пригнанные фундаментные блоки с цементными швами между ними, от столь же мрачного коридора. Откидная деревянная полка без матраса, металлический унитаз и раковина в углу. С каждым словом мужчина постукивал мясистой ладонью по толстым вертикальным стальным прутьям, отчего те тихо гудели.

В конце коридора стоял стол, за которым, читая книгу, разложенную под настольной лампой, сидел охранник в черной форме, какую теперь носили подчиненные Пасечника. На поясе дубинка, электрошокер, баллончик с экстрактом красного перца. Без оружия, естественно. Стук по двери привлек его внимание, он поднял голову, но, убедившись, что ничего внештатного не происходит, снова уткнулся в книгу.

– А что вас так удивляет, Петр Витальевич? – вежливо спросил Бурко, улыбнувшись арестанту. – Чего вы ожидали, приехав сюда за убежищем?

Бурко стоял напротив решетчатой двери, прислонившись к холодной бетонной стене и сложив руки на груди. Он откровенно забавлялся происходящим, и это явно злило человека в камере, который видел насмешку.

– Я ожидал человеческого обращения, прежде всего! И уважения! – выкрикнул человек за решеткой. – В конце концов я ваш партнер!

– Вот только о партнерстве не надо! – даже засмеялся Бурко, в притворно-защитном жесте подняв ладони перед собой. – Как вы стали моим, с позволения сказать, партнером, это вообще печальная история. Для меня печальная, для вас, скорее всего, радостная. Странно другое... А почему вы решили искать спасения здесь?

Вопрос явно озадачил того, кого называли Петром Витальевичем. Судя по всему, он до сих пор не дал себе труда задуматься об этом, хоть и просидел в камере со вчерашнего дня. Петр Витальевич принадлежал к тому типу государственных людей, которые считали все в стране своей собственностью. Когда он вдруг «входил в долю» в какую-нибудь компанию, он искренне полагал, что так и надо. Иначе для чего тогда все эти компании нужны и для чего тогда он занимает свое кресло в своем кабинете? И сейчас элементарный вопрос Бурко поставил его в тупик. На красном широком лице отразилась напряженная работа мысли, затем мысль явно зашла в тупик и в результате вылилась в очередную вспышку праведного гнева.

– Да как вы вообще смеете? – крикнул Братский.

Короткое эхо быстро стихло в коридоре, а сам узник даже попытался потрясти толстые стальные прутья решетки.

– Мм... это все, что вы имеете сказать? – даже удивился Бурко. – Вы действительно искренне полагали, что приедете сюда и сможете, как и раньше, требовать чего угодно? И все вокруг снова забегают, засуетятся, чайку принесут? Seriously? Вы и вправду так думали?

Петр Витальевич ничего не ответил, но запыхтел громче. Судя по всему, именно так он и думал. Бурко даже задумался, не хватит ли Петра Витальевича кондрашка от возмущения. Не то чтобы он о нем беспокоился, но у него были определенные планы на узника.

– Где моя жена и мои сотрудники? – спросил Петр Витальевич, чуть сбавив тон.

– Жена... Жена в соседнем, женском отделении. Устроена немного лучше, чем вы. Сотрудники тоже неподалеку, в общей камере, вон за той дверью.

Бурко показал рукой на металлическую и звукоизолированную дверь в конце короткого коридора. Петр Витальевич сидел в отдельном отсеке для особо важных лиц, чьи контакты с остальными арестантами, буде такие появятся, были бы нежелательными. Прямо из этого коридора была дверь в еще одно помещение, на обзаведении которым настоял Пасечник. В нем не было ничего, кроме свисающих с потолка наручников и длинного металлического стола с кандалами для рук и ног. Впрочем, Петру Витальевичу посещение этой комнаты не грозило, потому как никакой ценной информации он не скрывал, да и не имел таковой. Бурко скорее развлекался.

– И все же, Петр Витальевич, вы не ответили на мой вопрос. Почему вы решили искать спасения здесь?

– Потому что полагал вас человеком чести! – вдруг выкрикнул Петр Валерьевич. – Что если вы дали слово вести себя порядочно по отношению к партнеру, то так и будет впредь!

Эта гневная филиппика явно озадачила Бурко. Он даже не сразу нашелся что сказать.

– Ну, Петр Витальевич... встречал я дураков, но таких самодовольных, как вы, – никогда в жизни. – Бурко даже сделал глубокий вдох и помотал головой, как будто отгоняя видение. – Вы вымогательством отторгли долю в компании, палец о палец не ударили, чтобы предприятию хоть чем-нибудь помочь, тянули из меня деньги, причем подставляя меня же под обвинение в финансовых преступлениях, потому что я еще и вынужден был перегонять их туда, куда гонять нельзя, и теперь, когда у вас даже не хватило ума вовремя позаботиться о самом себе, вы приезжаете сюда и требуете почета и уважения? Нет, это даже не лечится...

На лице Петра Витальевича застыло выражение, как будто он и вправду пытается понять собеседника, но не может постичь его логику. Он искренне не мог понять, в чем же проблема.

Дверь в коридор открылась, вошел Пасечник.

– Здравствуйте, Петр Витальевич! Как сидится? – вполне дружелюбно поприветствовал он арестанта.

– Как вы смеете, Пасечник? – снова взъерился пленный и снова стукнул толстой ладонью по прутьям решетки.

– Ой, осторожно, ладошку зашибете! – со слегка глумливой улыбкой предостерег Пасечник.

Петр Витальевич Братский в прошлом был главной и единственной неудачей Пасечника как начальника службы безопасности, отвечающего за сохранность и безопасность активов компании. Когда на горизонте черной тучей появился Петр Витальевич, чиновник олимпийского масштаба, из когорты «непотопляемых», тех, которых переводят с места на место за неумеренную вороватость, но при этом каждое следующее место оказывается выше и «хлебней» предыдущего, Пасечник попытался отбить наезд. Но не сумел. Петр Витальевич проехал по нему, как дорожный каток по пустому молочному пакету. Петр Витальевич мог так ездить по кому угодно в стране, и затем он с той же грацией прокатился по Александру Бурко, к вящему унижению Пасечника.

– Александр Васильевич, с охраной побеседовали? – обратился к нему Бурко.

– Поговорил. Нормальные ребята, этого... – он указал пальцем на Братского, – они терпеть не могут. Двоим есть о ком позаботиться, еще один хочет остаться.

– Что решили?

– А что тут решать? – пожал плечами безопасник. – Пусть уезжают все трое, оставлять никого не будем. К ним у нас претензий нет, но и рисковать не хочется, мало ли как обернется?

Братский замер, приоткрыв рот и тяжело дыша. Он вдруг понял, что сейчас всерьез решается его судьба.

– Что с женой будем делать? – спросил Бурко.

– С супругой... семьи грех разлучать, верно? – снова хищно улыбнулся Пасечник.

Супруга Петра Витальевича, Елена Алексеевна Братская, была знаменита не меньше своего мужа. Крупная вульгарная и алчная тетка, любительница гигантских бриллиантов и вычурных платьев, с прической того типа, что в народе называют «вшивый домик», являлась настоящим вдохновителем вымогательских рейдов Братского, а заодно и главным потребителем добываемых в этих налетах материальных благ. Она же выступала в роли «удачливой бизнес-леди», которая якобы и зарабатывала на образ жизни этого семейства.

– Думаю, что вы правы, – кивнул Бурко. – Штрафная бригада?

– Именно. Штрафников у нас пока нет, и вроде бы даже не предвидится, надо же и начинать когда-то? Вот их и пристроим. Как раз женская и мужская бригады создадутся, численностью в один человек каждая.

Петр Витальевич издал протяжный хрипящий звук. Он понял все, но был возмущен настолько, что сказать хотя бы одно слово не мог. Все сказал за него Бурко, обернувшись к Братскому, перед тем как покинуть его:

– Придется работать, Петр Витальевич. Выгребные ямы убирать и все такое. – Помолчал, затем добавил: – Старайтесь, не то я вас пристрелю. Лично.

Сергей Крамцов

30 марта, пятница, вечер

Сколько еще придется здесь сидеть? Это была главная мысль, которая крутилась у меня в голове, когда я шел в сторону учебного корпуса, стоящего рядом со штабом учебного центра «Пламя». Не то чтобы я рвался покинуть безопасность большой воинской части и рвался как можно быстрее ехать в неизвестность, скорее даже наоборот. Здесь нас охраняют, здесь нам хорошо, насколько может быть хорошо при таких обстоятельствах, но рупь за сто – сейчас мало кому лучше нас. И сыты, и одеты, и вооружены. Пусть простенькая офицерская гостиница далеко не хоромы, система коридорная с санузлами в конце и все такое, но то, что они сейчас одни из самых безопасных, – это наверняка.

Но ехать все же придется, от этого не отвертишься, и именно это портило все настроение. Чем? Да вот милейшей Алиной Александровной с дочками. Их собакой и их котом. Тем, что они надеются встретить в этом самом Горьком-16 своего мужа и отца, который, на самом деле, пустил себе пулю в лоб чуть ли не у меня на глазах и при этом вырвал у меня обещание не говорить его семье об этом. Если бы вопрос был лишь в доставке контейнера с образцом первичного вируса и дисков с информацией! Я бы изначально отобрал самых боеспособных из нас, четверых, не больше, вооружил бы до зубов и оставил остальных здесь, под охраной военных. И наверняка прорвался туда и даже вернулся бы обратно. Но не переться же туда всем табором, с женщинами и детьми?

Все эти размышления вызвали чувство, очень напоминающее бессильную злость. Злость в том числе и на уважаемого мной, ныне покойного Владимира Сергеевича Дегтярева, хоть это и грех, я знаю. Ну зачем он меня так подставил, вынуждая врать его семье, сохраняя на лице выражение полнейшей честности, при этом чувствуя себя последней скотиной? Да, его смерть трагедия для меня, но после тех, не боюсь сказать, уже миллионов смертей, случившихся вокруг нас, трагизм ситуации с Дегтяревым как бы даже и поблек немного. Зато на глазах растет потенциальный трагизм нашего будущего похода в неизвестность, отягощенного гражданскими, которых я поведу в никуда, к ложной, несуществующей цели.

Хотя почему «поведу»? Да хрен там, никого я никуда не потащу, это я уже решил однозначно. Здесь не может быть двух мнений, и, для того чтобы в этом убедить своих спутников, я готов пойти на многое, в том числе и на то, чтобы сказать правду, нарушив все свои обязательства перед покойным. В конце концов, он все это видел по-другому, и кто тогда знал, во что превратится этот мир всего через десяток дней? А в «Пламени» они мало того что в полной безопасности, но еще могут быть и при деле. Ну и дел здесь для всех хватит, тут всю жизнь человеческую с нуля выстраивать надо заново, работы – край непочатый.

В любом случае все эти размышления так и останутся досужими умствованиями, пока я не решусь наконец сказать об этом вслух, причем во всеуслышание. Но вот когда это сделать? Момент надо выбрать правильно, да и вообще решиться на это, а то вдруг придется выкладывать всю правду: что же случилось в институте в ту злосчастную ночь? Хотелось бы избежать, если честно, у меня и остальных головняков хватает, после того как на мою голову или плечи, тут уж кому как, свалился весь наш пестрый «отряд».

В таких думах я поднялся на второй этаж учебного корпуса, в инженерный класс, который теперь постоянно использовался как зал совещаний. Пантелеева еще не было, возле двери стояли и разговаривали два старлея, мне незнакомых. Когда я прошел мимо, они равнодушно скользнули по мне взглядами и вернулись к своей беседе. Я подошел к окну, выходящему на учебные поля. В ста метрах от корпуса, в котором мы сейчас были, несколько бригад военных и гражданских, «всем миром», так сказать, закладывали первые бревна в основания новых срубов. Да, неплохо было бы со временем заполучить себе такую избу... неплохо. Она теперь

покруче пентхауса с видом на Кремль будет, да и подороже, наверное, если в абсолютном выражении считать.

Пантелеев пришел через десять минут, к тому времени все собрались. В комнате было пятнадцать человек, все офицеры и прапорщики. И, судя по всему, за исключением четверых, все были из числа «спецов» Пантелеева. Все вооружены, но пока явно не для выхода на войну, а так же, как и я, по уже укоренившейся привычке не расставаться с оружием ни на минуту. Переделанный АКМ у меня уже как продолжение плеча стал, без него вроде как и не оделся, что ли. А уж кобура с пистолетом – та и в санузел со мной ходит, и в изголовье кровати висит.

– Рассаживаемся, – пригласил Пантелеев, и все пристроились за столами.

Подполковник оглядел собравшихся, подошел к висящей на стене карте города и заговорил:

– Завтра проведем разведывательный рейд в Москву. С утра. В составе четырех бортов, два восьмидесятых бэтэра и сто сорок шестая кашээмка как машина связи. И «Урал-покемон» пойдет, на всякий случай. На буксир что-то взять или вы – везти что-то или кого-то. По шесть человек на бэтэр, двое в кабине «Урала» и двое в кузове, ну и полный экипаж кашээмки. Старший майор Соловьев.

– Я, – поднялся высокий худой майор в десантной тельняшке под камуфляжем.

– Садитесь, – кивнул Пантелеев. – Задача одна: прорваться как можно дальше и осмотреть как можно больше. На что следует обращать внимание... Первое – где уцелели люди как организованная сила? Сколько их, как себя ведут? Как ведут себя мертвяки? Насколько город занят ими? Пункты, которые надо объехать в обязательном порядке...

Постановка задачи затянулась надолго, но такой разведывательный рейд назрел давно. Необходимо было понять, что теперь происходит в Москве? Что с промышленными объектами? Остались ли живые люди? Шляются ли еще мародеры? Где можно помародерить самим? Как ведут себя мертвяки? Как они поведут себя, когда для них в городе не останется живой добычи? Попытаются найти ее в другом месте? Или впадут в кому, как крысы в лаборатории при подобных обстоятельствах? Это ведь вообще вопрос выживания – знать, не ломанется ли куда за пределы города миллионная толпа живых мертвецов. А как у них сезонные миграции начнутся? Да еще по одному маршруту? Сомнительно, конечно, но чем черт не шутит.

Три бэтэра вполне способны прорваться где угодно, КШМ-146⁸ тоже на базе бронетранспортера построена, разве что не вооружена. И «Урал» за собой протащат, но при одном условии – их противниками будут мертвяки, а не хорошо вооруженные люди. Какой-нибудь НСВ «Утес»,⁹ установленный на крыше или верхнем этаже высотки, способен разобрать нашу броню на запчасти, особенно если ему составят компанию РПГ.

Все всматривались в карту города, по которой скачками перемещалась указка подполковника, отмечая места, куда нам следовало направить стопы свои. Маршрут уже был выработан, но Пантелеев хотел предусмотреть все возможные варианты событий, поэтому на каждый участок маршрута вырабатывался один или два альтернативных пути, каждый из них получал кодовое название на случай, если появится серьезный противник и он будет прослушивать радиодиапазон группы.

Связью отряд обеспечивался с трехкратным покрытием его реальных потребностей. Связь короткая, связь дальняя, рации носимые и стационарные. Кашээмка способна была на ходу установить связь километров на сто – сто двадцать, с поправкой на городской ландшафт, и могла работать как ретранслятор. На самый крайний случай мы могли вызывать эвакуацию. В расположении будет ожидать команды к выходу мотоманевренная группа, на БМП-2 и даже с танком.

⁸ Командно-штабная машина.

⁹ Крупнокалиберный пулемет Никитина, Соловьева и Волкова.

Совещание затянулось до одиннадцати часов вечера, когда наконец все присутствующие не сочли, что продумать предстоящий рейд еще лучше они просто неспособны. На этом и разошлись, но на прощание я потребовал обеспечить меня завтра броником и шлемом. Ну его на хрен – втягиваться в городской бой, случись такой, с открытой грудью, как балтийский матрос. Вроде как не отказали, сочли требование законным.

Я пошел в гостиницу, к себе в номер, готовиться к выходу. Проходя мимо столовой, заглянул туда и увидел, что все наши опять там сидят. Это даже не клуб, это теперь как всеобщая гостиная, столовка эта самая. Проходя мимо бара, я попросил стакан яблочного сока и с ним прошел к столу.

– Ну, что завтра? – спросил Леха.

– Завтра идем в город, – объявил я. – Из наших пригласили меня одного, больше мест нет.

Вообще-то в бэтэрах вовсе не четырехместные десантные отделения, а семиместные, и всего они на десять человек рассчитаны, а нас будет всего по шесть человек на борт. Но это на случай того, что придется отбиваться и будут потери в технике. Тогда уцелевшие из одного экипажа займут места в другой машине. Возможно, что передвижение на броне окажется не лучшим способом езды по забитым мертвяками улицам. К тому же мы понятия не имеем, сколько морфов скопилось в городе, а иным из них запрыгнуть на броню и башку вместе со шлемом кому-нибудь оторвать как раз плюнуть или даже проще. А броня – это броня, защита, что ни говори, поди проковырай ее.

– А вам задание, – сказал я. – Шмель, поговори с батей, пообщайтесь с местными тыловиками. Машины надо делать, для начала хотя бы кабины «садков» перекрасить. Пусть даже не в камуфляж, но и белыми их оставлять нельзя.

– Не вопрос, – кивнул Мишка. – У бати вроде как с местным зампотехом уже отношения сложились, понимают друг друга. Потом я по «козлам» хочу один проектик предложить.

– Это какой? – залюбопытствовал я.

– Довести их до ума, каркас сверху поставить, – пояснил Шмель.

– В смысле? – влез с вопросом Леха.

– Ну... – Мишка нахмурился, задумавшись, как лучше объяснить. – Видел всякие «Лэндроверы» для войны в пустыне и прочих местах?

– Ну да, на картинках, – кивнул Леха.

– Вот так и хочу сделать. Веса много не прибавит, в крайнем случае на другом сэкономим, но можно будет пулемет поставить полноценно, опять же тент на все это натягивается... ну и перевернуться не страшно. Одной запаски мало, на дальняк если идти, надо под вторую место.

– И что нужно для этого? – спросил уже я.

Мысль мне понравилась. Одно дело просто «командирский» «уазик», и совсем другое – подготовленная рейдовая машина. Тем более что один пулемет у нас уже есть, и если удастся поставить его с хорошим сектором огня, то будет вообще замечательно. Да и под груз надо бы предусмотреть всякие ящики и крепления. И масксет еще бы добыть не мешало, а потом продумать, как ее возить. Чего мелочиться? Это все я и изложил, к полному одобрению Мишки.

– Да трубы мы нашли вроде, сварка, краска – все есть, – задумчиво ответил он. – Кенгурятник сварим, защиту на оптику и стекло поставим. Вот если не возражаешь, то я еще и Пашку привлеку под эту работу, – вдруг заявил он. – Парень рукастый оказался, любит с железом копать, а у нас работы выше башки.

Пашка радостно закивал, выражая полную готовность впрячься в дело вместе со Шмелем.

– Не возражаю. И на водилу его учи, нам как раз одного в колонну не хватает, – согласился я, но потом добавил: – Но начать с подготовки одного «садка», понял? Чует мое сердце, он нам скорей всего понадобится.

– В город скататься хочешь? – спросил Леха.

– А куда же еще? – пожал я плечами. – С вояками обстановку разведваю, а потом и самим надо бы выбраться. Не думаю, что беженцы все полезное из города вывезти сумели, скорее даже наоборот. Тем более пока есть возможность где-то и как-то заправляться.

– Это точно, – вздохнул Шмель.

Это уже вопрос вопросов. Не думаю, что кто-то даст местному населению личными машинами владеть. Точнее, не владеть, тут вопросов нет, владей до одурения, а вот заправлять их все более дефицитным топливом вряд ли будут. Тут уже думать надо будет, откуда бензин с соляркой брать или чем его для «Пламента» отрабатывать. Хотя склад ГСМ они все увеличивают и увеличивают, везут и везут наливники с захваченной нефтебазы. Ладно, об этом после.

– Леха, а ты с трехлинейкой закончи, доведи до ума, – сказал я. – Хорошо?

– Не вопрос, время есть, – кивнул наш оружейник. – Займусь. Даже пристреляю.

– Займись, – подтвердил я распоряжение и сразу добавил: – И немедленно Машу на нее обучать начни, хорошо? Прямо с пристрелки. Пусть хоть сколько-то патронов сожжет, даже пулеметных, по столу их только откатай для аккуратности.

– Не вопрос, – кивнул Леха, а следом за ним подтвердила готовность обучаться и Маша.

Так мы плавно перешли на основную тему – боевую учебу.

– Сергеич, – обернулся я к бывшему «вовану», – по тренировке личного состава задачи. Бери всю нашу молодежь, а также Татьяну, Вику и Машу, и веди на занятия. Стрелять уже научились, а вот с тактикой пока проблемы. Боевым слаживанием надо бы заняться. Пантелеев распорядился, так что приступайте.

– Это правильно, – даже обрадовался Сергеич. – Хотя бы в паре и «гусеницей» двигаться научить, и то хлеб. Раз уж отрядом назвались, надо хоть как-то соответствовать.

Так, вроде бы всех озадачил. «Старшие женщины» и дети и без моих указаний знают, чем им заниматься. Валентина Ивановна уже в местной санчасти к делу пристроилась, Алина Александровна вроде со школой помогает, Катя вообще с детьми все время, все при деле. Чем бы боец ни занимался, лишь бы зае... устал, в общем. Уставший меньше думает, и сейчас это хорошо, а то как задумаешься лишний раз о том, что вокруг творится, и жить неохота становится.

– Сереж, видеокамеру у меня возьми, – сказала Маша. – И тебе понадобится, наверное, да и нам потом покажешь, что в Москве делается. Я ее даже зарядила сегодня, слава богу, что еще электричество подается.

– Да, этим надо пользоваться, – согласился я. – Пока провода не оборваны и какие-то электростанции работают. Думаю, что это ненадолго.

– Ну атомные, наверное, могут долго работать? – спросил Шмель.

– Наверное, – пожал я плечами. – Я об атомной энергетике вообще ничего не знаю. Там ведь тоже топлива должно хватать. На сколько у них запас, на АЭС этих? Кто знает?

– Без понятия, – подвел итог повисшего над столом молчания Леха. – Надеюсь, что надолго. А тут что, есть АЭС неподалеку?

– А надо обязательно неподалеку? – спросил Шмель. – Я думал, все равно, лишь бы провода тянулись.

– Черт его знает. Может, и так, – ответил я.

– У меня двоюродный брат в энергетике работал, – подал голос Сергеич. – Он говорил, что электростанции без надзора и пятнадцати минут не проработают. Автоматика начнет все отрубать при малейших признаках проблем. Значит, кто-то еще дежурит на электростанциях, за что им от всех нас огромное спасибо.

– Может быть, – согласился я. – Остались же наши знакомцы с Доценко во главе у складов? И в Спецакадемии народ сидит с какой-то целью. Возможно, что у кого-то хватило ума организовать дежурство на электростанциях и защиту смен.

Действительно, а вот насколько нам еще хватит подаваемого электричества? Даже если на электростанциях работают люди, то это вовсе не значит, что люди будут подвозить топливо или обслуживать газовую трубу. Все взаимосвязано. Так что электричество – это ненадолго. Это последняя роскошь. И если его вскоре не станет, а не станет его наверняка, то какие-то ключевые объекты здесь, в «Пламени», перейдут на питание от дизельных генераторов, пока обещанную «малую энергетику» при котельной не наладят, а остальное? Свечи производить надо, наверное. Или лампы керосиновые. Иначе только при лучине сидеть придется. Даже когда паротурбинные установки запустят, то все равно никто не даст электричество на все. Запитают основные объекты, не более, как мне кажется.

Я с грустью посмотрел на лампочки под высоким потолком столовой. Немного им вот так осталось светить, недолго...

Сергей Крамцов

31 марта, суббота, раннее утро

Когда я подбежал к штабу, было еще темно. Машины стояли с выключенными двигателями, хотя от моторного отсека бронированного «Урала» заметно тянуло теплом – прогрели. Возле них стояли экипированные по-боевому бойцы. Меня сразу остановил Соловьев, назначенный старшим в этом выходе, пожал руку, подвел к открытой двери десанта одного из БТР и достал оттуда шлем с бронежилетом.

– Примеряй, подгоняй.

Интересно... так мне подумалось, когда я разглядывал обновку. И шлем, и броник были новенькими, со склада. Шлем красовался защитно-зелеными кевларовыми боками и отделанным черной резиной краем. И форма у него была не наша классическая армейская, а что-то вроде германской десантной, сидел он на голове высоко, открывая уши, и был очень легким. Соловьев назвал его БЗШ или «Маска-4». Явно не суперзащита, всего лишь первый класс, но осколок выдержит и от удара защитит. И защитные очки на него нормально сели, как раз по резинке.

Бронежилет был в натовской раскраске «вудлэнд», модель совершенно мне незнакомая, не наша военная 6Б13, без передника и защитного воротника, только для торса. Опять из «экспериментальных запасов» выделили, тут к гадалке не ходи. Похоже, что они весь нестандарт решили нам перекидать. А нам что? А мы и не откажемся, если честно. Я вот как раз на выход с «нестандартным» АК-105 пришел вместо уже привычного АКМ, вроде как «летные испытания» провожу.

Ну да ладно, сойдет, если к шлему и бронiku вернуться – защитить это все сможет. Без воротника и фартука жилет, правда, только для торса. Спецназеры же все были в новеньких БЗК «Пермячка», лишь недавно принятых на вооружение, защищающих чуть ли не все тело. Видать, правда, что все самое новое сначала в «Пламя» на обкатку попадало. Повезло.

– А что это за броник? – не выдержав, спросил я у Соловьева. – Фигня какая-нибудь, на которую никто не согласен?

– Офигел? – даже возмутился он. – Новые от НИИ Стали, «Бастيون» называется. Новая спецсталь, СВД и пулемет держит. А вес чувствуешь? Восемь кил всего!

– А на шею и пах защиты нет?

– Нет, – покачал он головой. – Чего нет, того нет. Серия новая, они только базовый жилет производить начали, нет на них воротника с фартуком покуда.

Я расстегнул подвесную, влез в этот самый жилет, подогнал его на боках по размеру. Ничего так, удобно, и вентиляция нормальная. Вентилирующий слой пружинит, так что если пуля угодит, то, может, ребра и не поломают, и кровью харкать не будешь из отбитого легкого.

Натянул подвесную сверху и понял, что все надо подгонять заново. Повозился еще несколько минут, но настроил разгрузку на сильно растолстевшего себя. В довершение всего раскатал по лицу маску и натянул шлем, отрегулировав ремни. Отвык я от броника и каски, сразу почувствовал, как все и со всех сторон давит и мешает. Нашлепнул на лицо очки, все равно на броню лезть, и на этом приготовления закончились.

Пока я возился со снаряжением, суэта у машин закончилась, и стоило мне надеть каску, как послышалась команда: «По машинам!» Мое место было в головном БТР, как заодно и проводника, поэтому я бросился туда, и стоящий у машины майор Соловьев переадресовал меня наверх, на броню. Верхние люки были открыты, там же, возле них, валялось несколько сидений от каких-то дешевых конторских кресел, в скользкой дерматиновой оболочке, но без фанеры внутри, выполняющих функции поджопников, то есть предметов первой необходимости. Зна-

ете, каково без них на холодной броне трястись? «Здравствуй, простатит!» – называется аттракцион. Это если не на жаре. Но и на жаре на горячей броне подчас без подкладки никак.

Кстати, американцы во Вьетнаме для солдат специальные алюминиевые тарелки производили. Бронеподжопники, так сказать. Если их М113 налетит на мину или фугас, и даже корпус не защитит от взрыва, то алюминиевая тарелка вроде как последний шанс. И говорят, иногда срабатывало, особенно в плане защиты солдатских гениталий от взрывного повреждения.

Колонна тронулась с места, взревев дизелями, тяжелые машины плавно покатили в сторону КПП. БТР по комфорту езды, на мой взгляд, так и «мерседес» обгонит. Подвеска длинноходная, восемь толстых колес, как на перине везет. Это тебе не старушка-«копейка»¹⁰ из тех, что у нас были, которая из тебя всю душу вытрясет и уронит при первом удобном случае, да еще завоняет солярным выхлопом, закоптит всю морду. А плевать соляркой еще сутки будешь, не меньше.

Сам Соловьев сидел, свесив ноги в командирский люк, запихав себе под задницу подушку от какого-то дорожущего дивана из коричневой альпаки. Рядом с ним из второго люка торчала голова в новом композитном шлемофоне, в очках и маске. Механ предусмотрительно прикрыл окна связанными друг с другом патронными ящиками, набитыми гравием, для пущей защиты, и смотрел теперь на дорогу через верх. Интересный шлемак, никогда таких не видел. У нас «мазута» в классических каталась, как четыре танкиста со своей собакой.

Моим соседом слева оказался среднего роста капитан лет тридцати на вид, со светлыми усами и с плечами пугающей ширины. Единственный без маски и очки на шлем поднял. Он баюкал на коленях слегка потертый «Печенег». Справа сидел прапорщик, вооруженный автоматом с подствольником.

Наш оторвавшийся вперед от колонны БТР провилял по лесной дороге, на которой нам, кстати, не подалось ни одного мертвяка, и вырвался на пустынное Ленинградское шоссе. Абсолютно, совершенно пустынное, по которому не ехало ни единой машины. Все. Исход из Москвы завершился, равно как и из ее пригородов. По крайней мере, с этой стороны. Фонари вдоль дороги не горели, еще густую сумеречную полутьму рассекали лишь лучи наших фар. Соловьев счел, что пока соблюдать светомаскировку без надобности. В стоящих поодаль от дороги домах Солнечногорска кое-где светились окна, но были ли там люди или просто свет не был выключен?

– Откуда энергия? – спросил я сидящего молча капитана.

– От МЧС, – ответил он. – Они вместе с фээсбэшниками, московским ОМОНОм и частью «внутряков» электростанции и распределительные сети взяли под охрану. Поделили обязанности. Армейцев на топливо и заправки кинули, нас вот как разведку все больше пользуют, а они энергетику приняли.

– И сколько продержатся?

– Недолго, наверное, – пожал он своими плечищами. – По слухам, атомные станции уже начали в крепости превращать. Будут глушить на каждой все энергоблоки, кроме одного, их тогда лет на сто хватит. Но возле Москвы таких нет.

Ну вот, а я гадал. Можно было бы и раньше спросить. Взяли же организованно под охрану те же склады Росрезерва? А заправки? А НПЗ и топливные базы? Так почему не взять, хотя бы на первое время, электростанции?

– А отходы? – спросил я.

Насколько я понимаю, вывоз отходов с атомной станции не менее критичен, чем отсутствие топлива.

¹⁰ «Копейка» – не только «жигули» первой модели, но и БМП-1, старая боевая машина пехоты, первая из линии этой бронетехники.

– Не знаю, – пожал плечами капитан. – Наверное, что-то придумали. Или потом придумают.

– Ага, придумают. Загрузят в бочки и затопят где-нибудь, – вмешался прапорщик. – Я раньше в морпехе служил, в Печенге, у нас много говорили о том, что все это в море топят.

– Не ввали? – спросил я. – Я сам помню, как об этом болтали, но тогда времена такие были, что болтали о чем угодно.

– Не знаю, – покачал он головой. – Я на палубе не стоял, когда с нее бочки сталкивали, но говорили много.

Я оглянулся и увидел, как в километре от нас сзади на дорогу выехали еще три пары огней. Наша колонна идет следом. Не думаю, что кто-нибудь собирается устраивать на нас засаду на пустынном Ленинградском шоссе. Сейчас в таких местах засады устраивать сложно: во-первых, никого не ждешь, кому засаживать-то, а во-вторых, вокруг шоссе тут и там попадались блуждающие мертвяки. И сидеть тихо в ожидании того, что кто-то проедет по шоссе, уже не получится, придется отстреливаться от зомби, идущих к тебе на предмет перекусить. А вот в городе уже следует быть готовым ко всему, там пристроиться в зданиях совсем не трудно.

– Кстати, а насчет хранения топлива... – заговорил я на засевшую в черепе тему. – У дизельки же пять лет, верно?

– Вроде бы так, – кивнул капитан.

– Ерунда, – неожиданно повернулся Соловьев. – Пять лет – это гарантийный срок хранения при условии, что хранится это в стандартной металлической цистерне, вроде как на всех складах ГСМ. А что такое гарантия? Полное соответствие ГОСТу, а вовсе не то, как соляра в движке сгорает. На Дальнем Востоке хранилища топлива в пещерах, в каменном монолите, так там оно чуть не пятьдесят лет хранится без ущерба.

– Так, может, его обновляют постоянно? – спросил капитан.

– Его там обновлять никаких сил не хватит, – ответил Соловьев. – Все тамошнее население только этим и должно было бы заниматься. Его там море. Я служил в тех краях, а у меня сосед в службе тыла как раз топливом занимался.

– Ну у нас-то тут пещер нет, – возразил я.

– Это кто тебе сказал? – поразился Соловьев. – Чуть не вся Московская область на карстовых пещерах стоит. Другое дело, что кому теперь там хранилища оборудовать... А впрочем, в обычной глине дизельку можно хранить. Запросто, не хуже, чем в каменном монолите. Опять же в бочках, если без доступа воздуха и с правильным внутренним покрытием, чуть не вечность сохранится.

– А что через пять лет бывает? – спросил прапор. – Когда гарантия выходит?

– Кислотность какая-то повышается, на один процент, кажется. Тоже поправимо, как говорят. И вообще... – он похлопал по броне под собой, – у тех же бэтээров дизель мультитопливный, предполагается, что он все чуть ли не вплоть до мазута может жрать, так что ему не страшно.

– А с бензином что? – снова спросил прапорщик.

– Бензин расслаивается, – ответил Соловьев. – Если его в канистрах хранить, например, и сразу целиком заливать в бак, то он чуть не вечность продержится. Или если в цистерне насос оборудовать, чтобы перемешивал постоянно. Главное – контакта с воздухом избегать.

– В общем, лет двадцать продержимся на запасах? – спросил капитан.

– Если не лоханемся, то должны вроде, – ответил Соловьев.

Мелькнул справа поворот на Зеленоград, танк на постаменте, памятник на холме. Москва была все ближе. Представив, что мы приближаемся к городу, погибшему под напором миллионов бродячих мертвецов, я зябко передернул плечами. Жутковато это как-то... Крепче сжал автомат, ощутив его тяжесть и рубчатую поверхность цевья пальцами.

Быстро светлело, вскоре показались длинные низкие здания торговых комплексов, растянувшихся по всей Ленинградке от города до поворота к аэропортам.

– Гля! – показал рукой и одновременно ткнул меня в плечо прапорщик.

– Итить... – только и смог я пробормотать и обомлел.

На огромных парковках, раскинувшихся вокруг не менее огромных зданий, стояло и бродило множество зомби. Пусть не сплошная толпа, но пробежать это асфальтовое поле насквозь, уворачиваясь от оживших мертвяков, какими бы медленными они ни были, я бы точно не решился. Никаких шансов, разорвут. Да и не все они медленные на самом деле, в этом мы уже имели возможности убедиться. Появится цель, и многие из этой толпы окажутся вовсе не медленными и вялыми, ускорятся за всю фигню.

Сотни медленно бредущих или перетаптывающихся на месте, стоящих неподвижно и сидящих полуразложившихся трупов. Кошмар наяву. Филиал преисподней. Волосы под шлемом зашевелились, и по спине прокатилась волна мороза. Я еще не видел их столько и сразу. Даже когда стреляли по мертвякам в Солнечногорске, в последний день, все равно не видел. Их было в сотни раз меньше.

– А чего они сюда приперлись? – спросил вдруг капитан.

– Я слышал, они тянутся к каким-то местам, куда ходили, пока живыми были, – ответил молчавший до сих пор молодой лейтенант, тот самый Сенчин, который в свое время обеспечил показ моего видео. Я его по голосу узнал под маской.

– Да ну?

– Ну да. Так выходит по наблюдениям. Даже когда народ из Москвы уже в сторону окраин уходил, мертвяки перли в центр, – сказал Сенчин.

Это верно, я в свое время тоже обратил внимание на это, когда мы в город ехали, автохозяйство грабить.

– Причем смотри, их и у мебельного не меньше, чем у супермаркета со жратвой, – показал прапорщик. – Видать, на одни воспоминания наводятся.

Второй прапорщик, с СВД-С в руках, так и молчавший всю дорогу, поднял винтовку, некоторое время разглядывал происходящее в прицел, затем зябко передернул плечами. Ага, даром что такой невозмутимый, а тоже проняла картина.

Мы миновали шведский «Икеа», автосалоны, затем потянулась бесконечная стеклянная стена «Гранда». Тоже мебельный, он нам не нужен, а вот сзади него будет нечто интересное – бывший «Рамстор», ныне «Ашан». Там вообще-то еще можно дополнительной едой запастись, наверное, а самое главное – тем, чего не хватает пока ни у кого, – всякой зубной пастой, мылом, шампунем, женскими делами и батарейками. И осмотр положения дел у «Рамстора-Ашана» входил в список наших задач.

– Повнимательней! – скомандовал Соловьев.

Снайпер навел винтовку на крышу торгового центра, еще двое зашарили биноклями по окнам прилегающего высотного конторского здания. Мало ли кто мог там окопаться? Высотка с одним подъездом, да под боком у большого магазина, вполне может быть обитаемой.

Стоянка, отгороженная сетчатым забором от окружающей дороги, забита мертвяками. Многостворчатые стеклянные двери, ведущие в торговый центр, были выбиты, хоть и не все. В освободившийся проем входили и также безо всякого дела выходили обратно ковыляющие мертвецы.

Мы, остановившись посреди пустынного и очень широкого шоссе, понемногу привлекли внимание бродивших зомби. Некоторые из них, хоть и не все, неторопливо направились в нашу сторону. Впрочем, большинство из них нас пока не заметило.

– Колонна, стой, – скомандовал висящую на груди тангенту Соловьев, придерживав идущую следом колонну на безопасном удалении от нас. – Ждать команды.

Затем он обратился к механику:

– Копыто, давай вперед помалу, вокруг магазина пообедем.

Копыто, Копыто... Где я это слышал? А! Это ведь тот невидимый механ, который стал-кивал машины расстрелянного вице-премьера с охраной. Знакомая фамилия. Правда, в лицо я его ни тогда не видел, ни сейчас. Сейчас все, впрочем, в масках, шлемах и очках, в лицо не видно никого.

– А вот давайте, ножки в люки свесили... – скомандовал он нам. – И вообще, лишние – на хрен с брони! Крамцов, останься, ты здесь места знаешь.

Действительно, я еще на постановке задачи сказал, что расположение «Рамстора» помню наизусть. Часто сюда ездил, и зрительная память у меня хорошая.

Команду Соловьева выполнили все, кроме капитана с пулеметом, который, как и я, лишь спустил ноги в открытый люк. Я чуть повернулся левее, взялся за автомат, висящий на груди. Теперь глаз да глаз, особенно когда, объехав по кругу магазин, войдем под мост, а потом окажемся в Химках. Затем я неожиданно для себя вспомнил о видеокамере, которую дала Маша и которая висела у меня поверх разгрузки, откинул экранчик видеоискателя, включил и начал снимать. Попросили – надо сделать.

Зомби, направившиеся было в нашу сторону на шоссе, замерли, когда мы тронулись с места, и лишь провожали нас своими тупыми мертвыми взглядами. Нас отделил от них высокий решетчатый забор, и ближайšie к нему тоже направились в сторону неторопливо движущейся бронемшины, некоторые тянули руки через решетку.

Спереди хлопнуло несколько одиночных выстрелов из автомата. Это Соловьев свалил двух мертвяков, бредущих по проезжей части. Машина продолжала описывать плавную параболу, следуя изгибу дороги, слева мелькали металлические прутья, к которым прижимались полуразложившиеся, обвисшие лица тех, кто когда-то были людьми. В воздухе пахло. Пахло смесью мертвечины и все тем же, каким-то странным, «химическим» запахом, похожим на запах ацетона.

– Ну чего там? – окликнул меня сзади капитан.

Он смотрел в свой сектор, но ему было интересно, что я вижу. А видел я грузовик, влетевший в стеклянные автоматические двери торгового центра и остановившийся внутри. И не только видел, но и снимал. Вокруг грузовика толпилось немало зомби, часть дверей устояла. Вход состоял из секции ударопрочного стекла, за которой шла двустворчатая дверь, за ней еще стеклянный простенок, еще дверь и снова простенок. Последняя дверь с простенком была выбита проехавшим через главный вход грузовиком. Остальные стояли на месте, оставшаяся автоматическая дверь не работала, хотя электричество в магазин подавалось, там горели лампы.

– Метров восемь примерно ширина пролома, – ответил я. – Остальное все устояло.

– Сколько въездов в подземный гараж? – спросил Соловьев. – Я всего два насчитал.

– Два и есть. Въезд и выезд.

– Нормально. Теперь смотрите по стенам, чтобы какие-то черные ходы не были открыты.

Но и с этим нам повезло. Похоже, что торговый центр успели запереть, и именно поэтому кто-то проломил себе туда въезд грузовиком. Вопрос в другом: а что там после проникновения уцелело? Вывезли все ценное и полезное или нет? Не идти же туда сейчас на разведку?

– «Ольха», долго вы еще там? – заговорило радио на общей волне. – К нам тут мертвяки подваливают, так что мы малым ходом в вашу сторону.

– Минуты две, – ответил Соловьев. – «Сосна», подтягивайтесь.

Справа от меня гулко стукнул пулемет. Это капитан кого-то свалил, но кого – мне не видно.

– Копыто, сразу за мостом разворачиваемся, – скомандовал майор. – И обратно тем же маршрутом. Все равно ни черта не разглядим с той позиции.

– Я понял, – ответила затянута в шлем, маску и большие защитные очки голова.

На мосту-путепроводе, нависающем над дорогой, толкались несколько зомби, смотревших на нас сверху. Не думаю, что они могут кинуться, но на всякий случай я камеру убрал, а вместо нее поднял и взял на изготовку «сто пятый». А то как свалится что-то эдакое на голову и покусает. Хотя меня покусать не так уж и просто. У той же «горки» ткань плотная, палаточная, местами так и в два слоя, руки в «штурмовых» перчатках с наружной защитой, наколенники-налокотники, броник, каска – куда зубами вцепишься? Впрочем, если сверху свалится, то может просто шею сломать.

БТР нырнул под мост, рев дизеля резким ударом отразился от стен нам по ушам, навалилась темнота, снова сменившаяся бледным утренним светом, шум отступил. Я резко обернулся назад, не отрывая взгляд от моста. Машина отъехала метров на семьдесят, пока не появилось достаточно пространства для маневра. Разворот у «восьмидесятки» тринадцать метров, он, в отличие от нового БТР-90, бортового поворота не знает. Бортовой – это как у танка, когда колеса одного борта крутятся, а второго – нет. Поэтому бронетранспортер резко забрал вправо, вскарабкался на высокий бордюр, причем так резко, что я услышал стук шлема механа о край люка, снова свалился на дорогу, вскарабкался на следующий бордюр, завершил разворот, после чего я заорал диким голосом: «Стой!», вскинул автомат и прицелился в приземистый силуэт за перилами моста.

– Что за... – не завершил стандартный в такой ситуации вопрос капитан.

На мой крик среагировали, по-прежнему безликий Копыто остановил бронетранспортер в ту же секунду.

На мосту топтались на месте, глядя на нас, четверо мертвяков. А ниже, почти на уровне их колен, быстро и плавно двигалось нечто непонятное и понятное одновременно, потому что так же плавно и гибко двигался мертвый Витька-алкаш, сожравший свою жену. И так же двигались те морфы, что встречались нам до этого в наших похождениях. И одновременно с этим... В общем, то, что кралось по мосту, явно намереваясь спрыгнуть сверху, не было в прошлом человеком. Я даже не понял, чем это могло быть раньше.

Тварь остановилась, глядя на нас. Затем легким прыжком вскочила на узкие перила и на них застыла, не шелохнувшись, превратившись в изваяние. Невероятное равновесие, так и кошка не сумела бы. Что бы это могло быть?

– Товарищ майор, вы пасите эту заразу, а я снимаю... – проговорил я, на ощупь отыскивая болтающуюся на груди камеру и включая ее.

– Снимай, снимай... – протянул майор, прицеливаясь. – Это полезно, потом все посмотрят... Бугаев, держишь?

– Конечно, – ответил капитан с «Печенегом».

– Давай, по моему выстрелу, – скомандовал Соловьев. Чувствуя, как у меня дрожат руки, и преодолевая желание отбросить к чертовой матери камеру, а взамен схватить автомат, я навел видеоискатель на морфа, вдавил клавишу «зума», приближая изображение к себе.

– Снимаешь? – спросил Соловьев.

– Так точно... – пробормотал я.

Морф охотился на нас. Это было несомненно, потому что его глаза смотрели прямо мне в объектив, а измазанные запекшейся кровью длинные клыки были оскалены. На что это было похоже? На смесь обезьяны, уродливой собаки и оборотня из фильма ужасов, да еще с кошачьей гибкостью и грацией. Морда с какими-то странно вытянутыми в стороны ушами, которые постоянно шевелились, гибко изогнувшееся длинное туловище. Мускулистые конечности с обратными суставами, заканчивающиеся настоящими пальцами с мощными когтями. И хвост, тонкий, длинный как кнут и по-крысиному лишенный шерсти. На конце хвоста что-то вроде недлинных шипов.

К нашему счастью, тварь пока не решалась нападать. Не от страха – она явно рассчитывала на то, что мы подъедем к мосту, собиралась свалиться на нас сверху. А мы нарушили

ее планы, остановились. Что это значило? А значило это то, что моя теория находила очередное подтверждение – зомби и морфы начинали соображать, тварь явно охотилась. Именно «охотилась», а не «нападала», что предполагает куда более сложно организованное поведение. Кто же это был раньше? Собака? Шерсть, еще оставшаяся на ней, цветом напоминала немецкую овчарку. Но овчарка должна быть раза в четыре меньше, на мой взгляд, морф, сидящий на перилах, размерами и льву не уступал.

Точку в этом немом противостоянии поставили выстрелы из автомата. Соловьеву надоело разглядывать монстра, и он без промаха всадил очередь из трех пуль прямо в лоб существа. Голова оборотня дернулась, брызнула чем-то темным, и тяжелая туша, мгновенно потеряв равновесие, с глухим стуком упала на асфальт. Вот так. Бац – и всех делов.

Но, как оказалось, не всех делов. Обязанная быть мертвой, тварь вдруг изогнулась, перекаtilась, вновь встав на четыре конечности, молниеносным рывком метнулась в сторону, налетела на вторую автоматную очередь и струю пуль из «Печенег», снова рванула вперед, одновременно смещаясь вбок, чтобы уйти из-под огня. Я, чувствуя всю мощь того броска, и понимая, что сам схватиться за оружие уже не успеваю, лишь до боли в пальцах сжал видеокамеру, не теряя существо из вида и приноравливаясь быстро провалиться в люк. Но в этот момент морф споткнулся сразу на обе передние конечности, перекувырнулся через голову, прокатился пару оборотов боком и замер.

– Песец, кажись... – выдохнул капитан Бугаев.

Я выпустил камеру, которая закачалась на ремне, судорожно схватил автомат и вскинул его к плечу, наведя на мертвую тварь. Соловьев тоже продолжал целиться.

– Я ему три пули в череп всадил, – пробормотал он. – Почему оно не сдохло?

– Мозги без надобности? – спросил Бугаев.

– Может, мозги передвинулись? – предположил я. – Вон у него какой горб на шее сзади, а башка совсем плоская.

– Все возможно, – философски ответил Соловьев и скомандовал: – Давай все на броню! Подмога нужна.

Мы с капитаном подвинулись, и нас снова стало наверху пятеро. Все держали на прицеле на этот раз явно мертвую тушу, из которой на асфальт понемногу вытекала какая-то темно-коричневая жидкость, уже совершенно непохожая на кровь.

– Короче, «Сосна»! – вызвал Соловьев по рации. – Давай сюда третий номер, есть что погрузить! Сразу за «Рамстором» налево, под мост, дальше нас видно.

– Принял, – ответила рация. – Направился к вам.

Я с недоумением посмотрел на Соловьева, спросил:

– Этого морфа с собой прихватим, что ли?

– Именно, – кивнул командир. – У нас полиэтилен в грузовике, упакуем в лучшем виде.

– И резиновые перчатки тоже имеются? – поинтересовался я.

– Тоже имеются, – подтвердил Соловьев. – И ты сейчас в этом убедишься лично, потому что будешь эту дрянь грузить.

Через минуту к нам на хорошей скорости подкатил «Покемон», с ходу сбив двух направлявшихся к нам мертвяков. Из него выскочил невысокий худой спецназер, державший в руках рулон пластиковой пленки. Еще двое выпрыгнули из кузова. А я уже понял, что к чему. И еще через минуту, под аккомпанемент раздававшихся с брони выстрелов, я вместе с капитаном Бугаевым и двумя прапорами из кузова, действительно в хозяйственных резиновых перчатках, ворочал по асфальту вонючую тяжеленную тушу морфа, заворачивая ее в полиэтилен. Забрасывали в кузов грузовика ее уже вшестером. Тварюга явно весила куда больше центнера, к тому же, замотанная в полиэтилен, стала очень скользкой и неухватистой. Судя по всему, где-то нашла целую прорву белка своего вида, вот и откормилась.

Хотя... Если это была собака и она сумела сожрать другую собаку, не дав той воскреснуть, то она стала уже намного сильнее. И дальше на других собак охотилась эффективней. Сожрав еще одну, выросла и усилилась еще больше. Интересно, такому прогрессу может быть предел или нет? Страшно подумать, во что может откормиться такой морф, скажем, за год, лишь бы собак в меню хватало. Ладно, может быть, там, в «Пламени», разберутся. Там, как я вчера случайно узнал, дали приют немалой группе ученых, причем затащили их туда целенаправленно, выслав за ними в город мотоманевренные группы и эвакуировав с семьями. И даже завезли с какого-то минздравовского склада целую кучу медицинского и лабораторного оборудования. «Пламя» явно собиралось развивать науку нового, перевернувшегося с ног на голову мира.

Пока мы возились с погрузкой, мертвяков вокруг изрядно прибавилось, в дело даже несколько раз вступали пулеметы бронетранспортера, хотя боеприпасы к ним предполагалось хранить до рейда в городе. К тому моменту, как мы заскочили внутрь стального корпуса бэтэра, на нас перла целая толпа. К счастью, ждать нам больше ничего не надо было, дизели победно взревели, и тяжелый БТР прошел сквозь еще неплотную толпу мертвяков, даже не заметив ее. Разве что Соловьев выругался, предполагая, что от колес будет потом вонять. Это он верно предположил, кроваво-слизистый след тянулся за колесами машины еще долго.

Как же все странно получилось... Насколько люди сильнее этих самых оживших мертвецов и насколько мир людей оказался перед ними беззащитным. То, что могло людей защищать, хранилось в далеких складах, за крепкими воротами, подальше от этих самых людей. И в самый критический момент тех, у кого был доступ к этой технике, к горам оружия, оказалось слишком мало. Что такое несколько полков, если считать тех, кто уцелел после массового дезертирства, на десятиллионный мегаполис и огромную область? Даже не капля в море, а величина, стремящаяся к нулю. Несколько тысяч военных, которые еще и свои семьи должны спасать, и самих себя. Наш мир не умер, побежденный волной восставшей мертвечины, он просто сдал себя ей, без всякого сопротивления. Печально об этом думать сейчас, когда мы на своей бронетехнике играючи справляемся со всеми этими мертвяками. При этом осознавая, что мы побеждены ими. Уже побеждены.

Для меня это второе такое разочарование в жизни. Первое было раньше, когда я был еще ребенком. Тогда я всего не понимал, лишь позже осознал, что случилось. Когда сдали мою страну, которая не проиграла войну, не пала жертвой агрессии и даже не стала банкротом. С которой вообще ничего не случилось, казалось бы, живи да радуйся, строй светлое будущее. Ее сдали лишь потому, что лень было с ней возиться, зато хотелось денег и почестей, роскоши такой, какая у нас не полагалась, и если можно, то на халяву. Потому что к власти пришли мерзавцы с дураком во главе. А теперь такие же сдали весь мир, и тоже потому, что не хотелось возиться со слишком способным к самообороне народом. И все. Пришел вот этот самый полярный зверь с ценным мехом, только, блин,дохлый совсем. И воняет мертвечиной. И кусается, зараза такая.

Пока я предавался мрачным мыслям, наш бэтэр, вновь оторвавшийся от колонны, перемахнул через путепровод над Кольцевой автодорогой, и мы вкатили в город, пустынный и мрачный на фоне грязного неба, в которое поднимались дымы многочисленных пожаров.

В этом месте на улицах даже почти не было зомби, может быть, с пяток в поле зрения. Брошенные машины стояли местами у тротуаров, но немного. Здесь всегда парковка запрещена была, да и не было у людей причины парковаться вдоль проспекта. Справа бесконечные заборы спорткомплексов до самой «Войковской», слева – жилые дома, подъездами выходящие во дворы, или вообще ничего.

Поэтому наш БТР катил по проспекту почти в полной тишине, лишь свистящий звук дизеля эхом отдавался от молчаливых стен домов и возвращался к нам. Никого в окнах, многие оставлены распахнутыми, некоторые – выбиты. Один дом выгорел насквозь и представлял

собой закопченную и потрескавшуюся от жара руину. Тяжко пахло гарью, а ветер нес дым. Город горел во многих местах.

Вынесенная витрина того самого магазина «Проспект», где я в первый день Катастрофы застрелил зомби, напавшего на охранника. Теперь витрина из небьющегося стекла мелкими сверкающими брызгами рассыпана по тротуару, в магазине блуждают несколько мертвяков. Среди них, как мне показалось, была толстая кассирша, не хотевшая оставить рабочее место и отказавшаяся взять с меня деньги за вторую тележку с продуктами. Жалко, если и вправду она. Но далеко, могло и показаться.

На вершине путепровода возле «Войковской» мы остановились в первый раз. На «свечке» постройки семидесятых годов, что стояла слева, на высоте десятого примерно этажа, висел плакат с надписью: «Здесь живые!», а ниже была написана частота связи. Этого нам хватило. Соловьев, после того как мы огляделись и не обнаружили явных признаков близкого нападения, скомандовал колонне подтянуться к головному дозору. Вскоре возле нас остановились три остальные машины, и из КШМ сразу же начали вызывать по заявленным частотам и немедленно получили ответ. Ответил женский голос, истерически радостный. Нас уже увидели в окна и ждали вызова. Впрочем, мы выживших в окнах тоже разглядели, в бинокли и оптические прицелы. А я разглядывал в видеоискатель камеры.

По тому, что нам сообщил женский голос в эфире, все запершиеся внутри – программисты, бывшие работники софтовой компании. Страсть смотреть в Интернет больше, чем в экран телевизора, их спасла. Они раньше других поняли, чем грозит происходящее вокруг, и решили спастись, только вот спаслись, мягко говоря, не лучшим образом. Оделись по-туристски, серьезно запаслись едой и заперлись у себя в офисе, надеясь, что военные возьмут ситуацию под контроль и всех спасут. Оружия у них не было совсем, даже импровизированного, вроде монтировок из машин и молотков, рассчитывали лишь на крепость дверей и безопасность места. А потом выяснили, что в здании было слишком много зомби. Один человек несколько дней назад вырвался оттуда, чтобы отправиться за помощью, но больше никаких вестей о нем не было. Зато теперь под их дверью скопилось не меньше десятка мертвяков. Похоже, что те запомнили, что за стальной дверью есть живые люди.

Все это мы выяснили из краткой, но информативной речи. Один момент особо заинтересовал – зомби все же запоминают то, что им нужно. Еще одно подтверждение «теории ментального развития».

Соловьев, тоже сидевший на частоте, заговорил с захлебывающейся радостной истерикой женщиной в эфире:

– Девушка, спокойно! Мы всех спасем. Отвечайте прямо на мои вопросы, пожалуйста, это важно. Как поняли?

– Я поняла! Спрашивайте! – послышался радостный крик.

– Спокойней, – повторил он. – Вопрос номер один: вы в безопасности в своем офисе? К вам могут ворваться?

– Нет, дверь стальная. Не могут.

– Вопрос номер два: есть среди вас раненые или лица, нуждающиеся в срочной медицинской помощи?

– Нет.

– Вопрос номер три: вы голодаете или у вас есть продукты?

– Пока еще есть!

Соловьев кивнул удовлетворенно, поняв, что план операции менять не нужно, затем сказал:

– Мы вас вытащим, но не сейчас, а на обратном пути. Через несколько часов, но сегодня, еще до вечера. Сейчас мы направляемся в центр города, и там вам делать с нами нечего. Как поняли?

– Понятно... – В голосе по радио слышалось разочарование, но Соловьев на это не обратил ни малейшего внимания.

Вместо слов сочувствия он выдал им последние инструкции, в числе которых предписывалось быть готовыми к выходу в течение одной минуты, что подразумевало не просто быть собранными, а стоять у входной двери, и второе – снять плакат с частотами для связи. Я сначала удивился, да и те, к кому обращался Соловьев, тоже, но объяснил он легко: раз их уже обнаружили, то незачем привлекать дополнительно чье-то внимание. Неизвестно еще, чье именно удастся привлечь. И чем это закончится. Как у Винни Пуха: «Идет ли Слонопотам на свист? А если идет, то ЗАЧЕМ?»

– Гляну? – спросил я у Соловьева, кивнув в сторону перил моста.

Они вместе с краем путепровода прикрывали от нас вход в здание. А на вход посмотреть не мешает, хотя бы для общего развития.

– Давай сбегай, – согласился он.

Я соскочил с брони и, держа автомат у плеча не столько ради того, чтобы демонстрировать готовность вступить в бой, а скорее для того, чтобы внушить самому себе уверенность, подбежал к краю моста. Едрить! А мертвяков-то возле здания куда как немало, если не сказать большего! На первый взгляд стоящих и даже сидящих на земле с пару десятков. Но это непосредственно у дверей. А так, в поле зрения, еще немалая толпа наберется. Самое плохое – в здание открыты входные двери, широкие, двустворчатые. Настежь открыты, а за ними темно, но видно, что там тоже мертвяки. И тоже немало.

Сзади слышались шаги, я оглянулся. Бугаев не выдержал, тоже решил посмотреть. Впечатление у него сложилось, сходное с моим, потому что он болезненно сморщился. Затем сказал:

– Можно неплохо вляпаться, если дуром попрем. План нужен. По-любому надо как-то заткнуть двери, транспортом каким-нибудь, иначе вся улица в здании будет через пять минут.

Я ничего не ответил, лишь согласно кивнул. План будем составлять позже, когда до дела дойдет. И наша огневая поддержка наверняка здесь разместится, где мы сейчас стоим, потому что отсюда простреливаются все подступы к зданию с фасада. Самое сложное: а что ждет внутри? Сколько там мертвяков? Хотя не бросать же теперь людей, после того как их обнадежили? Да и нужны будут программисты в «Пламени», если честно, туда компьютеров с периферии привезли несколько грузовиков, на сто лет вперед хватит.

– Давайте обратно, по дороге доложите! – крикнул Соловьев, взмахом руки подзывая нас к броне.

С бэтэра раздались два выстрела из СВД – понемножку в нашу сторону направились зомби, бродящие дальше по проспекту. Действительно, хватит стоять, подманивать на будущую позицию тварей заранее, вроде как место прикармливать. Мы подбежали обратно к машине, вяло погромыхивающей двигателем на холостых оборотах, вскарабкались на броню. Тоже вот ведь привычка! По всем правилам и по здравом размышлении нам бы в утробе стальной, в БТР сидеть, наслаждаясь теплом и безопасностью, а мы все наверх лезем. А смысл? Мин с фугасами не предвидится по большому счету, нападения с применением РПГ тоже. Хочется надеяться, по крайней мере. А во всех остальных случаях сидеть на броне опасней. И мертвяки на машины меньше реагируют, чем на людей. Так нет же...

Да и как ты залезешь в безопасное нутро бронетранспортера, если даже не знаешь, попадешь еще когда-нибудь в свой город или нет? Никак. Хочется видеть все, хоть от города остался лишь его труп. Пока еще целый с виду, но который вот-вот начнет разлагаться. По крайней мере, запах дыма от пожаров чувствуется уже везде, и просто дымно на улицах, местами и вовсе как туманом затянуло. Люди ли что-то подожгли, само ли загорелось, не выдержав безнадзорщины, но уже горит и во многих местах, и никто не спешит тушить. Так и выгорит вся Москва, и на этот раз окончательно.

БТР снова плавно тронулся с места, я лишь слегка качнулся и уселся поудобней. Снимать пока ничего не хотелось. Все молчали. Машина шла дальше по широкому проспекту, оставляя за собой широкую пустую ленту асфальта. Здесь даже заглухших машин не было. Зато были машины, припаркованные вдоль боковой дорожки, и Соловьев сразу скомандовал:

– Не спать! Запоминайте «Нивы» с УАЗами!

Это правильно, это верно. Среди нас были четверо, кого успели обучить, как заводить эти модели машин без ключа и обходить простейшую сигнализацию. А на случай, если сразу завести машину не удастся, планировалось цеплять их на буксир. Для бэтээров с «Уралом» это не тяжесть, а в «Пламени» они очень могут пригодиться.

Справа от нас потянулись корпуса Московского авиационного института. В подъезде длинного кирпичного здания двери открыты настежь, там тоже видны мертвецы. А ведь территория МАИ всегда была закрытой, при достаточных силах тут вполне можно было отбиться. Но только от мертвяков, от людей – нет.

Наша машина вновь замедлила ход. Соловьев решал, ехать ли в тоннель, или проскочить на Ленинградский проспект с Ленинградского же шоссе через верх, или лезть на построенные новые эстакады. После реконструкции тут строители такого наворотили... Решение зараннее, при обсуждении плана операции, не принималось, все сочли, что на месте будет виднее. И в конце концов Соловьев решил.

– Колонна, стой! – скомандовал он. – Копыто, давай весь свет вперед и малым ходом в тоннель.

– Есть! – откликнулся Копыто из люка.

Ну что же, прав Соловьев. Мы ведь толком-то о повадках мертвяков не знаем. Например, что можно сказать о темных и неосвещенных местах вроде тех же тоннелей? Избегают их мертвяки, скапливаются там или им все равно? Так смотреть не полезешь, а на броне – очень даже запросто.

На БТР снова вспыхнули фары, врубилась ослепительно-яркая «Луна» без крышки, и, кроме того, на нашей машине стояли два дополнительных прожектора-искателя. Машину немного начали готовить для будущих задач, то есть вылазок в замертвяченный город, и начали с дополнительного света. Бронетранспортер снова пополз вперед, со скоростью пешехода. Мощные лучи зашарили по стенам, полу и потолку полого спускающегося подземного проезда под перекрестком и сразу же высветили зомби. Много зомби, сотни, наверное. В основном лежащих, почти или совсем не шевелящихся. В коме. В той самой, о которой я говорил. Стэнд-бай. Однако на отражающийся от стен гул машины и яркий свет реакция проявилась, причем сразу. Многие зашевелились интенсивней, неуверенно пытаются подняться, опираясь на руки, как разбуженный среди ночи очень сильно подгулявший с вечера человек. Некоторые, лежавшие в основном с краю, успели подняться на четвереньки, а то и вовсе встать на ноги.

– Задний ход, – сразу скомандовал Соловьев, увидев такое мертвячье изобилие.

Машина остановилась, затем также плавно заскользила назад.

– Серых, давай проверь на них машинки! – снова скомандовал Соловьев.

Скомандовал он стрелку, расположившемуся в подвесном сиденье башни бронетранспортера. Ответом были три короткие очереди из КПВТ. Три стайки тяжелых пуль ударили в зашевелившуюся толпу, прошли ее насквозь, смели несколько мертвяков как тараном, в воздух взлетели куски разорванных тел. Дульные вспышки озарили бликами стены, грохот выстрелов ударил раскатистым эхом, словно кто-то часто застучал в большой маршевый барабан.

В общем, замах был на рубль. А удар вышел все же на копейку. Даже те трупы, через которые со страшной скоростью пронеслись насквозь тяжелые 14,5-миллиметровые пули, в основном остались стоять на ногах и на новые отверстия в собственных телах внимания не обратили. Лишь несколько мертвяков, кого уж совсем в клочки, упали на асфальт и не поднялись.

– А не так чтобы очень! Накладно такой патрон с таким эффектом изводить, – прокомментировал Битюгов и выпустил пару очередей на уровне голов почти поднявшейся толпы из своего «Печенег». Эффект получился и то соразмерней, несколько трупов свалились.

Кроме него, стрелять никто не стал. Не в том, собственно говоря, был и замысел спуска в тоннель. Разведали темное место – и достаточно, внесли ясность или дополнительную неясность в знания о мертвяках. Тяжелая машина выехала из темноты обратно на свет и так отступала задним ходом почти до самых замерших машин колонны. Несколько зомби погнались за ней, но совсем медленно, неуклюже. Похоже, что им нужно было больше времени, чтобы восстановиться после ступора.

– Соблюдать дистанцию в колонне! Колонна, марш! – скомандовал Соловьев. – Верхом пойдем.

Наш БТР вывернул передние пары колес и покатил на развязку дорог над тоннелем, на спуске которого только появились первые мертвяки, выходящие из темного его зева. Я вновь взялся за камеру, но снять их шествие не успел, потому что борт пандуса закрыл их от меня. Тогда я просто взял панораму окрестностей, где мертвяков было раз-два и обчелся, после чего снова выключил, экономя место на диске и батарее. Хватит пока снимать, лучше оружие держать поближе, если не хватает ума через гостеприимно распахнутый люк спуститься в десант.

Чем ближе к центру города, тем больше мертвяков было на улицах. Почему их всех тянуло в центр? Непонятно. Может быть, остаток их разума подсказывал им, что в центре должно быть больше людей и больше добычи, но людей мы здесь не видели. Хотя в КШМ перехватывали радиопереговоры, ведущиеся в городе, причем довольно интенсивные. И не все они были паническими, большую часть из них вполне можно было отнести к деловым. Кто-то предупреждал кого-то о проблемах, кто-то назначал встречи, кто-то запрашивал базы. Значит, анклавы живых людей в городе сохранились, и не только те, о которых мы знаем. А знаем мы только о двух: Спецакадемии и находящейся рядом с ней автобазе Спецтранса, где засел Доценко со своими людьми.

А если людей в городе шурует много, нам тоже следует подумать о том, что как бы не разобрали без нас все ценное. По пути я, например, увидел целых четыре аптеки, и все были разгромлены – кто-то приватизировал медикаменты. «Шестерка» в организме от вирусных заболеваний спасает, а вот от воспаления легких, например, уже нет – антибиотики нужны.

Наша колонна быстро дошла до Садового кольца. Само кольцо было почти пустынным, мертвяков немного, а вот Тверская, по которой мы двигались в сторону центра, была ими просто пугающе забита. Мы свернули направо, проехав по встречной полосе возле колоннады Концертного зала имени Чайковского, спустились на Садовку. Осветили прожектором внутренность тоннеля и тоже обнаружили там настоящую толпу мертвяков, пребывающих в коме. Видать, как люди из города исчезли, они начали впадать в эту самую свою летаргию, отключаясь почти полностью, разве что не разлагаясь. И места под лежки начали выбирать укрытые.

БТР пошел в сторону Кудринской площади, мы продолжали вертеть головами. Вдалеке заметили группку из двух джипов и двух грузовиков, неторопливо куда-то кативших. Судя по тюкам в кузовах, кто-то плотно мародерил, аж завидно стало.

Даже если отрешиться от блуждающих мертвецов, то и в этом случае Москва представляла собой очень странное зрелище. Тишина и неподвижность. Брошенные машины стоят на своих местах, не слышно несмолкаемого городского шума. Звук от бронетранспортерного дизеля разносится далеко и свободно, возвращаясь к нам отовсюду гулким эхом. Мне показалось, что слышать его должны на всех окраинах города.

Сидевший в командирском люке Соловьев прислушался к чему-то, затем обернулся к нам и сказал:

– С кашээмки о новом радиоконтакте сообщили, с нами заговорили. Неподалеку, на Малой Никитской люди. Это где? – обратился он уже ко мне.

– Да прямо здесь!

Я показал рукой на въезд с Садовки на Малую Никитскую улицу. Наверное, звук моторов услышали и связались.

– Проверим, что за люди и зачем мы им понадобились, – сказал Соловьев, разглядывая карту в пластиковом прозрачном файле. – А оттуда пройдем по Большой Никитской до Манежа, заодно и на Кремль глянем.

Наш БТР описал плавную дугу и въехал на неширокую Малую Никитскую улицу. Остальная колонна исчезла из поля зрения. Они пока еще двигались по Садовому кольцу.

Мертвяков прибавилось, они останавливались, глядя на нашу машину, некоторые затем шли за ней следом. Трое или четверо «новичков» были сбиты задранном носом бэтэра и перееханы колесами, «ветераны» так глупо уже не попадались. Их и видно было сразу, по повадкам и скорости. Морфы не появлялись, но я давно заметил за ними такую особенность – на них не влияют остатки человеческих привычек, и ведут они себя уже как обычные хищники, скрываясь, охотясь и стараясь не попадаться на глаза потенциально опасному противнику.

Копыто вел БТР по самой середине улицы, держась подальше от стен и припаркованных в изобилии автомобилей.

– «Нива»! – сказал я, заметив в ряду машин маленький внедорожник песочного цвета.

– «Ольха-два» и «Осина», принять меры к эвакуации «Нивы». Пятсот метров впереди вас, с правой стороны, – отдал Соловьев команду экипажам грузовика и второго бэтэра. – Об исполнении доложить. «Сосна» следует за мной, подтянуться.

Наша машина шла со скоростью около сорока километров в час, не больше, поэтому КШМ – точно такой же бронетранспортер, как и наш, только без башни и весь утыканный антеннами, быстро нас догнал, еще до того как мы притормозили перед серо-белым домом напротив церкви. Дом выглядел старым по архитектуре, но построен был совсем недавно – скромный и незаметный с виду семиэтажный одноподъездник, где квартиры занимали целый этаж, а цена квадратного метра приближалась к цене хорошего автомобиля.

Во двор дома вела большая арка, перегороженная закрытыми решетчатыми воротами. Было видно, что в этом дворе собралась целая выставка дорогих внедорожников. Верхний этаж дома состоял наполовину из открытой террасы, и там стояли люди. Стояли спокойно, даже немного вальяжно, словно красуясь: вот, мол, вокруг конец света, а нам как бы и по барабану. Обратив внимание, что мы их разглядываем, несколько человек помахали нам руками. Одеты все были в какую-то форму, но не военную и не милицмейскую. Частная охрана, что ли?

– Говорят, чтобы заезжали во двор, зовут в гости. Ворота откроются. Просят только не запускать мертвяков одновременно с собой, – сказал нам Соловьев, заодно тем самым отдавая команду механику.

БТР, к тому времени проехавший мимо этого дома, описал круг по пустынной площади Никитские Ворота и лег на обратный курс. Кашээмка шла следом, как привязанная. Машины вновь втянулись в улицу, проскочили поворот на Спиридоновку и подъехали вплотную к огромной арке. Я еще подумал: зачем такая большая была нужна? Она же первые два этажа пополам разделила, считай, сплошной убыток для застройщика. Наверное, какие-нибудь пожарные нормы и правила или еще что-то.

Возле ворот дома топтались три мертвяка. Один был... одна была... Кстати, а как правильно называть зомби женского пола? Точнее, мертвяка женского пола? Мертвечиха? Мертвячка? Мертвица? В общем, она здорово смахивала на модель. Высокие сапоги на шпильках, одна из которых утрачена, а на второй она еле ковыляет. На лице, как ни странно, сохранился мейкап. А куда он может деться, на самом деле? Но выглядит яркая помада на трупно-синеватом лице вообще жутко. Как будто кто-то очень злобный очень мерзко пошутил над мертвой девушкой. Злобный, как сама Не-жизнь.

Дорогие украшения, дорогие часы и даже короткая куртка из шиншиллы. Видать, у девушки был кто-то, кто проявлял заботу о ее материальном благополучии. Второй мертвяк был совершенно непонятный, невероятно грязный, как будто его топили в грязи. Из-за этой облепившей его грязи он скорее напоминал глиняного голема, чем ожившего мертвеца. А вот третьего и разглядеть не удалось: увидев приближающуюся броню, он лихим спринтерским рывком пересек дорогу и скрылся за углом храма. «Ветеран» или даже чуть подморфировавшийся мертвяк, очень уж быстрый.

– Сергей, давай. Обоих, – скомандовал Соловьев, показывая на мертвяков.

Я кивнул, вскинул автомат, натянув ремень и уперев приклад в плечо, навел точку коллиматора на голову девушки. «Сто пятый» слегка брыкнулся, с громким треском выпустив две пули и выбросив гильзы, со звоном скатившиеся с брони. Девушка упала, и я сразу же второй короткой очередью свалил «голема». Когда тот упал, от его одежды полетела пыль, целое облако.

Дальше по улице тоже раздались выстрелы. Это наши занимались «Нивой», вот и отстреливали приближающихся зомби. Надеюсь, там все будет в порядке, не навалится толпа мертвяков со всех окрестностей. Хотя на БТР откуда угодно можно вырваться, да и бронированный «Урал» тварям точно не по зубам.

Ворота в арке тем временем плавно разошлись в стороны, повинувшись поданной из неизвестного места команде, пропуская наши машины внутрь. И сразу же за нами сомкнулись. Бронетранспортеры въехали на большую асфальтированную площадку, со всех сторон окруженную высоким и мощным решетчатым забором, оказавшимся достаточной преградой для мертвяков. К тому же по его верху кто-то щедро намотал «егозы».

На площадке стояло порядка десяти дорогих внедорожников, все – последних моделей, а кроме них – новенькая «БМВ» седьмой серии и «мерседес» представительского класса, судя по стеклам – бронированный. Не сироты тут живут, не сироты.

Кроме дорогих машин имелись и недорогие. Пара передвижных электростанций, толстые кабели, от которых тянулись в дом две вахтовки на базе «Урала» и два наливника, от которых заметно пахло соляжкой. И самая обычная БРДМ-2, на вид – как новенькая, видать, с длительного хранения.

Часовых во дворе не было, думаю, что при нынешней обстановке это разумно. Ждать грабителей в такой крепости маловероятно, даже самые беспредельщики не сунутся, а приманивать зомби видом стоящего во дворе живого человека не следует. Но охрана была, разумеется.

Из подъезда вышли двое, с автоматами АК-74М на плечах и в черных разгрузках с кобурами на животе. Оба были в темно-синей форме с эмблемами «ЧОП «Щит» на рукавах. Обоим к сорока примерно, ведут себя подчеркнуто миролюбиво, приветливо.

Все, кто сидел на броне, прыгнули вниз, и один из охранников попросил нас отойти из створа арки, чтобы, с его слов, «мертвяков не подманивать». Ну, значит, я прав насчет поста во дворе. Все подошли к подъезду, откуда в этот момент вышел высокий, плечистый, в такой же, как и у других, темно-синей форме, черной разгрузке и без автомата, лишь из его «набрюшной» кобуры торчала рубчатая рукоятка «Грача». Он поздоровался со всеми за руку, затем сказал:

– Рады вас видеть, мы тут общением не избалованы. В общем, шеф вас в гости приглашает, поговорить и просто так, на чай.

– Зайдем, – согласился Соловьев, затем глянул на меня и сказал: – Со мной сходишь. Остальным оставаться с техникой. Выставить охранение.

Рослый с пистолетом ничего не сказал на такое явное проявление недоверия, даже глазом не повел и лишь сделал приглашающий жест в сторону подъезда.

Мы вошли в роскошную, дубовую с виду, дверь подъезда с бронестеклом. Попали в светлый, отделанный мрамором холл с витражами в окнах. Окна без решеток, кстати, – навер-

ное, какое-то спецстекло. Хотя у крайнего окна виднелся штабель кирпича, мешки цемента и малый растворно-бетонный узел. Закладывать проемы все же собираются. Справа в холле стояла закрытая бронестеклом стойка охранника, за которой как раз и сидели те двое, которые вышли нас встретить первыми.

Наш провожатый коснулся ладонью сенсорной панели вызова лифта, и двери бесшумно распахнулись, открыв его зеркальное и хромированное нутро, мелодично блыкнул электронный колокольчик, словно приглашая. Наш спутник вошел туда первым, за ним мы, никто не проронил ни слова. Рослый ткнул пальцем в самую верхнюю кнопку, двери закрылись, и лифт бесшумно поехал вверх. Когда он остановился, все вышли на роскошно отделанную лестничную площадку. Темного дерева дверь вела в квартиру, а еще была лестница с дубовыми перилами, установленными на балясины ручнойковки со вставленными в них кусками свинцового стекла (это сколько они стоили-то заказчику?), лестница вела вверх.

– Нам наверх, – показал на лестницу провожатый. Мы пошли по гранитным ступеням выше.

– Двухэтажная квартира? – спросил Соловьев.

– Да, двухэтажная.

Я снова мысленно прикинул. Получается сотни четыре квадратных метров как минимум. Не считая террасы. Или семья большая, или аппетит, одно из двух.

Мы поднялись этажом выше, прошли через открытую всем ветрам сверкающую кухню, отделенную от огромной гостиной лишь барной стойкой. В гостиной центром всего пространства служил открытый камин современных форм, окруженный широкими и низкими диванами. С дивана поднялся невысокий, коренастый человек в спортивном костюме, с простым крестьянским лицом. Очки в золотой оправе и массивный «Патек» на руке. Все атрибуты.

Он прошел нам навстречу, меня не заметил, а обратился сразу к Соловьеву, протягивая тому руку:

– Баранов. «Газстрой».

– Соловьев, – пожал наш командир руку коренастого. – Спецназ ГРУ.

– Заходите, присаживайтесь. – Баранов сделал приглашающий жест в сторону диванов. – Кофе хотите? Или покрепче чего?

– Нет, спасибо, ничего не хотим, – ответил за двоих командир, хоть я от кофе бы не отказался. Он тут небось хороший. – Неплохо вы тут расположились, – сказал Соловьев, обведя рукой обстановку.

– Неплохо, – кивнул Баранов. – Но я вообще ниже живу, эти два этажа нефтяник один занимал. Но его даже не видели здесь никогда, он в Лондоне постоянно. Из жильцов, кроме меня, в доме никого не осталось. Ну а раз не нужно никому, то мы и вскрыли, очень уж терраса здесь стратегически выгодная.

Мы вышли на просторную террасу, от одного вида с которой у меня дух захватило. Пано-рама окрестностей, в дальнем конце Большой Никитской виден Манеж и Кремль. Ох, немало стоила эта квартирка неизвестному нефтянику, очень немало. Хотя сейчас вид мертвого города с язвами многочисленных пожарищ скорее внушал тоску, нежели восхищение.

А еще мы разглядели две наши машины дальше по улице. Там постреливали, но паники видно не было, да и мертвяков немного, причем в драку они не лезли, держались поодаль. Судя по всему, «Нива» скоро присоединится к колонне.

На террасе, а также на плоской крыше над ней расположились трое, в теплых куртках под разгрузками, с приборами наблюдения. Возле двоих стояли, прислоненные к перилам, новенькие снайперки СВ-98 со сложенными сошками. Третий был вооружен автоматом, но на краю крыши, на треногах, за ограждениями из бетонных блоков, стояли два крупнокалиберных «Утеса». Один накрыт полиэтиленом, но у второго, с оптическим прицелом, как раз автоматчик и прогуливался.

– А эти ребята, которые «Щит»?.. – спросил Соловьев, показав на снайперов.

– Это частная фирма, охраняли наш офис и объекты, – ответил Баранов. – Все в прошлом из Внутренних войск. Когда дело дерьмом запахло, я с их директором посоветовался, и решили мы здесь запереться. Запаслись едой на несколько лет, генераторы притащили, оружие раздобыли через сослуживцев их бывших, семьи привезли. Пару-тройку лет сможем продержаться.

– До каких пор сидеть думаете? – спросил я, вмешавшись в разговор.

Не удержался, очень уж меня заинтересовала причина, по которой люди могут укрепиться посреди мертвого, в прямом смысле этого слова, города. Баранов посмотрел на меня, отметив отличающуюся форму, затем повернулся к Соловьеву:

– Вроде как не из ваших парень?

– Не из наших. Союзник, можно сказать. Другая специализация, – более чем обтекаемо ответил Соловьев.

Баранов кивнул, как бы подтверждая, что выяснил мой статус, затем ответил мне, вполне дружелюбно:

– Пока не станет понятно, что делается в мире. Прорваться из города мы всегда сможем, сил и оружия хватит. Но у нас семьи, их беречь надо, а не ломиться в неизвестность. И мне из своей квартиры просто так убираться неохота. У нас тут связь такая, что можем с Магаданом беседовать. – Он показал на крышу, где действительно стоял целый лес загогулистых антенн, и оттуда тянулись к чердаку соседнего, вплотную примыкающего здания, провода.

– А много вас? – спросил Соловьев.

– Не очень, – уклончиво ответил Баранов.

Этот вопрос уже попадал в разряд интимных, доверие в отношениях между группами людей стремительно испарялось вместе с цивилизацией. Кто знает, зачем мы спрашиваем? Может быть, хотим перераспределить ресурсы в свою пользу? Вопрос, правда, вот какой возникает: а для чего нас сюда вообще позвали? Нелогично немного. Это вопрос Соловьев и озвучил.

– Ищем союзников понемногу, – туманно ответил Баранов. – Мало ли как сложится? Сейчас хотя бы частоты для связи дадим друг другу. Мои ребята в город вылазки делают, могут вам информацию подкидывать.

– Что-то еще?

– Есть и еще, – вздохнув, ответил он. – Мы весь этот дом заняли, пробили через общую стену дверь в соседний и там обжили целый подъезд. Завалили вход, забетонировали даже, в общем, с комфортом устроились. Ниже второго этажа незащищенных окон нет. Но позавчера ночью что-то перемахнуло с соседней крыши туда... – Баранов показал на двускатную крышу соседнего старого дома, – ...и оттуда через окно вошло в квартиру. Убита семья. Пока наши ломались на шум, тварь ушла, сообразила, что к чему. А один наш боец, его жена и две дочки обратились, пришлось расстрелять.

Баранов болезненно сморщился, вздохнул.

– Плохо все вышло, в общем. А вчера опять такую тварь обстреляли, но не убили. Ее в камере наблюдения заметили, они у нас по всему периметру. Крутилась здесь, причем сидела на крыше одной из вахтовок.

– Не убили? – спросил я.

– Не смогли, – сокрушенно покачал головой собеседник. – Снайпера две пули успели всадить, но почему-то без толку. Ушла, зараза. А мы теперь голову ломаем, что это могло быть?

– Морф, – сказал я. – Который откормился на существах своего вида. Мог быть человеком, животным. Собакой, например.

Вкратце рассказал ему нашу «морфскую теорию». Затем показал прямо на видеокамере ту тварь, которую снял совсем недавно и которая теперь в кузове «Урала» валяется. Объяснил заодно, где у этой гадины мозг и куда надо целиться. Странно, кстати, что они таких до сих пор

не видели. Баранов посмотрел запись не один, позвал в рацию того высокого, который встречал нас и представился теперь как Николай Константинович.

– И что нам делать? – спросил Баранов. – Много их таких?

– Не знает никто, – ответил я. – Но сам я сталкивался уже несколько раз. А вот эту мутировавшую собаку мы сегодня в Химках завалили. Запись часовой давности.

– Это очень плохо, – сказал Николай Константинович. – У нас окна ничем не защищены. Когда погибла семья, тварь влезла с крыши. Это какая ловкость! Туда ведь надо было подняться суметь.

– И догадаться, – добавил я. – Мертвяки-то тупые, а вот морфы...

– Мертвяки тоже умнеют, – пожал плечами наш провожатый. – Заметно так.

– Это верно, – подтвердил и Соловьев. – Мы тоже обратили внимание.

– В общем, мы попытаемся укрепиться, – снова ступил в разговор Баранов. – Если не получится, а нападения продолжатся, то будем искать убежища у вас. Может оказаться, что в городе жизни не получится.

– Мы не против. Место найдется, – сказал Соловьев. – Только...

– Начальники не нужны? – усмехнулся Баранов, перебив майора. – Это я сейчас начальник, а всю жизнь отпахал на стройках северных, с прорабов начинал. Хоть по строительству, хоть по трубам, по всему специалист не из последних. Даже проектирую.

– Тогда и вопросов не будет, – кивнул командир группы. – А вообще, давайте пару-тройку сеансов связи в сутки организуем. Чтобы мы знали, что вы тут держитесь. Если совсем подопрет, можем и бронегруппу выслать.

– Запись сохранилась того морфа, которого обстреляли? – спросил я.

– Разумеется, – кивнул Николай Константинович. – Я зачем, собственно говоря, и уходил. Он достал из кармана конвертик с оптическим диском, протянул Соловьеву:

– Посмотрите на досуге. Может быть, будет полезно.

– Обязательно, – ответил майор и сунул диск в карман разгрузки. Затем сказал: – Ладно. Приятно было познакомиться. Дайте человека от связи, чтобы со мной в кашээмку подошел, договорился по расписанию и частотам. А у нас еще задачи, отбываем для выполнения.

– Это в смысле ваши «Ниву» завели наконец? – усмехнулся Николай Константинович.

– «Нива» – это попутно. А задач еще хватает.

Как раз в этот момент в рации послышался доклад о том, что «Нива» на ходу и даже полный бак бензина в ней. Соловьев приказал выкатить машину на Садовку и там оставить до возвращения. Все равно никто не украдет.

Человек в музее

31 марта, суббота, утро

В опустевшем несколько дней назад здании Зоологического музея жил человек. Один. Молодой, в грязной одежде, состоящей из джинсов, кроссовок и ярко-красной пуховой куртки. У него был с собой рюкзак, забитый банками с консервами, и автомат, который он подобрал у человека в милицейской форме, с которым поначалу делил жилое пространство.

Сначала у них было все хорошо, они даже о чем-то много разговаривали, но о чем – человек в красной куртке вспомнить не мог. Единственное, что он помнил, это – что человеку в милицейской форме не нравилось, когда он... он забыл свое имя, в общем, когда он нагревал в ложке над пламенем зажигалки желтоватый порошок, растворив его в воде. А затем набирал жидкость в шприц и его посредством переливал получившуюся смесь прямо себе в мозг. Он даже чувствовал, как, оказавшись у него в вене, игла начинала вытягиваться и ветвиться, опутывала стальной сетью весь его организм, после чего холодная волна чего-то светлого и прохладного врывается в сознание. Он закрывал глаза, и дух его свободно парил над умирающим городом, сверкая в вышине подобно диковинной алмазной птице. Даже ожившие мертвецы переставали нападать на живых и задирали головы и смотрели в небо мертвыми глазами, завидя его полету.

Человек в милицейской форме ему завидовал и поэтому вел себя недружелюбно. И еще он не хотел, чтобы его полеты мешали мертвецам добывать город. А потом человек в форме замыслил его убить. Его... вспомнить бы, кто же он? И наверняка убил бы, у него был этот маленький автомат с коротеньким огрызком-стволом. Но он ошибся в одном: все его планы, все его замыслы становились известны человеку в красной куртке заранее.

Духи животных, чьи чучела в стеклянных клетках заполняли длинные коридоры и этажи музея, не покинули этот мир. Им было известно все, каждая душа была им открыта, а каждый замысел известен. Дух гиены, поблескивавшей в темноте стеклянными глазами, рассказал ему все. Рассказал, что человек в форме даже молился демонам земли, чтобы лишить его полета, что он желал ему смерти.

И тогда он подкараулил человека в форме, бросился на него сзади и зарубил пожарным топором, разрубив голову до шеи. Он помочился на труп, чтобы тот не восстал, и тот не восстал. И стало ему легко и радостно, когда он понял, что никто не может отныне прервать его полет. И как же он ошибся! Человек в форме отомстил ему. Вечером, вновь введя себе в тело стальную сеть игл, он вдруг не смог взлететь. Мертвый человек в форме забрал с собой его способность к полету, навеки приковав его к этой юдоли скорби и отчаяния.

Он сделал это вместе с чугунным человеком, который сидел в кресле, откинув руку, и которого хорошо было видно из окна. Каждый вечер он корчил рожи человеку в красной куртке, доводя его до слез, до такого отчаяния, что он вынужден был кататься по полу и выть, заливаясь слезами, колотясь затылком в разохшийся паркет. Однажды он схватил автомат, оставшийся от человека в форме, и выпустил весь рожок в чугунного своего врага, и тот умер, затих. И так смирно сидел до следующего вечера. Но потом снова воскрес, когда новая луна всходила на небе и вела за собой все зло, что приходит ночью. Тогда он расстрелял в чугунного человека еще один рожок, и тот снова умер.

У человека в красной куртке оставался всего один рожок к автомату, и он знал, что через день ему нечем будет убить чугунного человека, и тот придет к нему и задушит его, втопчет чугунными своими ногами в вытертый паркет музейных залов. И даже желтоватый порошок почти закончился, и с ним уходила последняя надежда на то, что удастся улететь отсюда. Поэтому всю последнюю ночь человек в красной куртке лежал, свернувшись калачиком, и тихо подвывал, засунув в рот большой палец.

Чугунный человек не стал ждать еще день и еще ночь. Утром перед окном появились зеленые пятнистые машины, а на них сидели люди и хохотали, показывая пальцами на человека в красной куртке, который присел за подоконником, согнувшись пополам. Он отскочил назад, вскинул маленький автомат и выпустил оставшиеся патроны в людей на машинах, и все они умерли, стекли ртутью на асфальт и впитались в него. А затем он услышал, как они грызут снизу фундамент музея. Он попытался выстрелить в пол, но патроны закончились. И тогда он схватил пожарный топор, разбил стекло перед чучелом гиены, которая не подсказала ему, как спасти свою жизнь, и начал рубить ее, стараясь, чтобы ни одного крупного клочка от нее не осталось, и вечером ее лживому духу некуда было вернуться.

А затем он решил, что изрубит всех животных в этом огромном молчаливом здании, и, когда люди из машин все же прогрызут и подкопают фундамент здания, они будут ему уже не опасны.

Сергей Крамцов

31 марта, суббота, раннее утро

Когда мы проезжали по Большой Никитской улице, нас обстреляли. Стреляли плохо, безбожно мазали. Стрелок, судя по всему, сидел в здании Зоологического музея, на верхнем этаже. Расстояние всего ничего, но ни одна пуля даже в броню не попала, а мы провалились в десантный отсек за долю секунды. Гранатометов у стрелков не оказалось, ничего крупнокалиберного – тоже. А судя по звуку, пальба шла из пистолета-пулемета. Вообще странно, зачем они это делали? Надеялись кого-то из нас с брони сшибить? Непонятно.

Соловьев приказал даже ответный огонь не открывать, и мы проехали мимо, вся колонна. Выехали на простор Манежной площади и снова выбрались на броню. Дисциплина дисциплиной, а любопытство – страшная сила. Но смотреть на Манеже на что-то еще, кроме картины запустения, смысла не было – пустота, даже мертвяков почти не видно. Совсем им тут делать нечего – или в других местах гуляют, или попрятались. Зато снова вдалеке мы разглядели неторопливо едущий следом за «уазиком» большой грузовик, в кузове которого виднелись вооруженные люди. Еще кто-то «по хозяйству» промышляет, наверное.

Машины свернули левее, проскочили прямо на Красную площадь, где ничего, кроме скуки, на нас не напало. Пустота. Один-два мертвяка на всем этом огромном, продуваемом злым ветром пространстве. Замершие навсегда Минин и Пожарский. Архитектурный пряник Василия Блаженного. Длинный ряд окон ГУМа. За ГУМом опять пожар, большой, тянет шлейф дыма, и выплескиваются выше крыш языки пламени, но что горит – непонятно. И никакой суеты, полная тишина, и это в центре гигантского города. Ни рева сирен пожарных машин, ни толпы, ничего. Плетущиеся по улицам мертвяки останавливаются и тупо глазят на огонь.

Ворота в Кремль были открыты, но выглядело все абсолютно безжизненным, так что и заезжать туда не стали. Все же тесная и закрытая территория, маршруты отхода все через ворота, которые так просто перекрыть, да и смотреть там не на что. Не Царь-пушку же себе на буксир цеплять? Из нее все равно не постреляешь.

Колонна выкатилась на набережную, тоже пустынную, и пошла в сторону Остоженки. После храма Христа Спасителя, на этот раз проспавшего новое бедствие, выбрались на Бульварное кольцо, с него дернули на Пречистенку и по ней выехали на Садовку. И уже оттуда пошли сначала в сторону Нового Арбата, а потом – на Кутузовский.

Для наших перемещений мы старались выбирать самые широкие и самые прямые улицы. Их сложно перекрыть, заблокировать, завалить, там у нас всегда будет маршрут для отхода. На том же Кутузовском всегда можно выскочить из-под огня, просто увеличив скорость, если, конечно, тебе не ПТУР залепят сразу же в борт. Если залепят, то уже не выскочим.

Кутузовский тоже давил на нервы запустением и множеством объединенных до самых костей трупов, лежавших тут и там и невыносимо смердевших. Целых трупов почти не осталось, все больше костяки с клочьями гниющего мяса или вообще разбросанные кости. На некоторых из них кормились крысы, причем явно мертвые, на иных еще пировали зомби. Заметил я и пару стай мертвых собак. Интересно, но у этих тварей стайный инстинкт и смерть не нарушила – одиночек я пока еще ни разу не видел. Попастись такой стае – верная смерть, без вариантов.

– Ты гля, а мертвяки друг друга жрут, оказывается, – сказал Бугаев.

– Ну да, а что? – удивился я заявлению. – Давно уже заметили. Но это так, утилизация отходов, лучше было бы, если бы они друг друга убивали.

– Ага, жди, – сказал сзади прапорщик. – Дождись. Но хоть гниль немного подберут, раньше вонять перестанет.

– Кстати, а почему они вообще друг на друга не нападают? – вдруг спросил Бугаев. – Тоже ведь пища и всегда под рукой.

– Не знаю, – ответил я. – Может быть, их плоть после смерти снова как-то изменяется и становится более привлекательной в качестве пищи.

– В смысле? – уточнил Соловьев.

– Не знаю... – пожал я плечами. – В теории если... Например, они вырабатывают какие-то феромоны, которые работают как система «свой – чужой».

– Чего вырабатывают? – переспросил прапорщик.

– Запах, в общем, – уточнил я. – Заметили, как странно мертвяки пахнут?

– Не заметь тут, – ответил прапор. – Дохлятиной и чем-то вроде ацетона.

– Вот этот ацетонный запах, может быть, и есть их система опознания, – кивнул я. – А как помер, он быстро выветривается, и тогда можно жрать. Он уже не «свой», а по разряду «еды» числится.

– Надуманно, как мне кажется, – возразил Соловьев.

– Возможно, – согласился я. – Но другую теорию пока придумать не могу. По-хорошему, надо бы мертвяков наловить и поэкспериментировать. Однако то, что повторно убитый зомби пахнет как обычный мертвец, а пока он бродит – то по-особому, очень заметно.

– Ну тоже верно, – подвел итог разговору Соловьев.

Колонна шла дальше, уверенно и неторопливо, а я задумался еще глубже. Еще одно несоответствие того, что я вижу, тому, что должно быть, просто мозолит глаза. Зомби на улицах мало, а людей не видно вообще, если не считать две группы мелькнувших моторизованных мародеров. Значит, люди должны были уйти из города или погибнуть. Но ушло не так уж и много. Думаю, что подавляющая масса незащитных и безоружных горожан все же погибла. Погибла в попытках добыть еду или оружие, в попытках завести чужую машину или залить бензин в свою на брошенной бензоколонке. Погибли все слабые, все медленные, все неуклюжие, все одинокие пожилые, все трусливые, все наивные и все, кто верил, что правительство их спасет. В общем, погибли миллионы. А где они теперь?

Два тоннеля под мостами были забиты мертвяками, пребывающими в коме. Добычи нет, и они утомонились. Но не все. Некоторые бродят по улицам. Но всех их чертовски мало для того количества зомби, которое должна была «произвести» Москва.

Где еще могут скрываться? В домах? Проверять? А какие именно проверять? И где гарантия того, что в каком-то доме мы не найдем сразу всех отсутствующих на улице одновременно? И не будем ими съедены, если они кинутся разом, для примера. Страховка это не покрывает, короче. Да и нет у меня никакой страховки, это я так глупо и нервно шучу.

Колонна проскочила по Кутузовскому до поворота на Минскую улицу, что за Поклонной горой, по ней дошла до Мичуринского проспекта. Затем свернула направо, и мы начали вызывать на частотах радиоопознания автобазу, на которой должна была базироваться группа Доценко. О кодах опознания мы договорились заранее, поэтому, к моему облегчению, там меня узнали. Даже более того, к микрофону подошел Доценко. Я рассказал ему в двух словах, с кем я еду, на чем и зачем, и получил от него «добро» на посещение.

И еще через десять минут вся наша колонна на скорости влетела в распахнувшиеся стальные ворота в бетонном заборе и остановилась. Встречал нас сам Доценко, в необычном комбинезоне, в котором, как в «горке», на руках и ногах были вставки отличающегося оттенка, и в черной разгрузке. Вместе с ним был Игорь, в такой же форме, у которого на плече висел бессменный ПКМ. Интересно, он его постоянно с собой таскает или сейчас прихватил, в честь нашего визита? Кстати, что за комбинезоны такие интересные?

Я поспешно стащил с головы шлем с очками и маской, давая возможность себя опознать, помахал рукой. Доценко тоже изобразил что-то вроде приветствия.

К моему удивлению, к Доценко подошел Соловьев и тоже поздоровался, причем намного теплее, чем я. Перехватив мой удивленный взгляд, сказал, что они в первую чеченскую пересекались по службе.

Ну и замечательно, подумалось мне, меньше придется заниматься дипломатией. Доверие-то между представителями человечества, особенно вооруженными, проявляется все меньше и меньше. А так я могу предоставить им самим все возможности по налаживанию контакта, сложив с себя эти обязанности с чистой совестью.

Действительно, начальная настороженность прошла быстро. Все люди из нашей группы разошлись кто куда, оставив лишь одного часового у машин. Я тоже решил прогуляться, тем более что моя основная задача установить контакт уже выполнена, а о дальнейших планах на совместное мародерство в торговых центрах командеры и без меня договорятся.

В автохозяйстве, которое, к слову, было очень даже немаленьким, работа кипела. Бетонный забор, окружавший его раньше, с колючей проволокой поверху, был достаточно неплох в городе как защита от хулиганов и очень хорош против зомби, но против нормально вооруженных людей он никак не годился. Гранатомет, крупнокалиберный и даже обычный единый пулемет – и дыра гарантирована. А разогнавшийся грузовик проехал бы его насквозь без проблем. Поэтому изнутри забор обкладывали кирпичом и земляным валом. Местами укрепляли мешками с землей. Откуда у них столько мешков, кстати? По верху же ограды разматывали еще два ряда «егозы».

На территории были видны не только мужчины в черной форме и с оружием, но и женщины, подростки и даже дети. Доценко собрал всех своих людей с семьями и, можно сказать, положил начало новому «племени» – все атрибуты такового были налицо. И все были при деле, даже дети были чем-то заняты, за исключением самых маленьких. Пересыпали землю в мешки, например. Работа скучная, разумеется, но несложная и очень нужная.

Несколько зданий на территории автобазы разбирались за ненадобностью. Полученный материал шел на укрепление периметра. Впрочем, стена была не единственным рубежом защиты территории, а лишь первым. В зданиях, на верхних этажах и крышах, были оборудованы огневые точки. Где-то под пулеметы, и оттуда торчали стволы крупнокалиберных «Утесов», а где-то под АТС-17, автоматические гранатометы, способные в бодром темпе забросать 30-миллиметровыми гранатами любую цель на дальности до километра. Очень эффективное оружие против людей. А вот против зомби – весьма сомнительно.

Было оборудовано несколько качественных НП, почти неуязвимых для снайперского огня, в которых постоянно дежурили люди. Наблюдать за окрестностями было несложно – комплекс автобазы стоял на отшибе, к нему примыкало еще небольшое складское хозяйство, но его Доценко тоже приватизировал, снес забор между территориями. Вообще, всерьез они тут устроились.

Интересно, а где вход в само подземное хранилище? Не то чтобы мне туда хотелось заглянуть, но все же... простительное любопытство. Столько все слышали про эти гигантские подземные склады, но мало кто видел. Скорее всего, вход в большом складском здании, что в середине автобазы. Во-первых, по размеру подходит, во-вторых, охрана возле него под грибочком караульным и в окружении мешков с песком. Два человека. Может быть, и не нужны в сугубо дружественном окружении, но порядок есть порядок. Это сейчас они все на стройках работают, а когда закончится процесс строительства? Хотя бы его основная фаза? Вот тогда только службой людей от одурения и спасешь.

Кстати насчет «слыхал о складах»... Кое-где на стенах и заборе есть следы пуль. Свежие, выбитые ими сколы силикатного серого кирпича почти белые, а он быстро темнеет. Значит, с кем-то повоюет местному «племени» уже пришлось. С кем бы это, а? Кто-то еще «услыхал о складах»? Надо спросить. Но если в городе имеются вооруженные группы людей достаточной численности или даже в пригороде, то атаковать эту базу будут наверняка. Хоть объект и сек-

ретный, но скрыть его наличие в огромном городе невозможно. И знают о нем многие хотя бы потому, что земля здесь стоит дорого, а разрешений на строительство нет и не было. А это наверняка вызывало вопросы, которые, в свою очередь, получали ответы, и эти ответы, в свою очередь, разойдутся среди выживших и вызовут у них желание взять этот самый вход в хранилище под личный, собственноручный контроль, потому что ценность такого склада в мертвом мире переоценить невозможно. Для чего следует вытолкать отсюда неплохо окопавшегося Доценко со товарищи, со чады и домочадцы.

Что тут еще интересного у них есть? Я пошел дальше и столкнулся с Игорем, который так и таскал на плече свой пулемет с «сотым» коробом, да еще два у него было разложено в боковых карманах разгрузки. При этом он в тяжелом бронике с наплечниками, правда, шлем висит сбоку на ремне, на голове черная «шэпээска». Но все равно – человек-дот, блин. Еще гранат шесть штук на нем висит и СР-1 в кобуре. Вот ведь верблюд здоровый...

– Гуляешь, партизан? – спросил он меня.

Вопрос такой, с намеком, что гулять не зазорно, конечно, но слишком-то здесь не разгуливай. Ты тут все же чужой.

– Гуляю, – кивнул я. – Интересно же, куда меня звали.

– Да ты вроде не хуже устроился. Даже лучше. – Он показал на наши машины.

– Я тоже так думаю, если честно, – согласился я. – Но я понял, что вам-то особо выбирать не давали?

– Правильно понимаешь, – подтвердил он. – Уже знаешь, что здесь у нас?

– Знаю, – кивнул я. – Сергеич рассказал. Кстати, а почему вам броню не дали? Не нашлось, что ли, для таких задач? – высказал я давно вертевшийся на языке вопрос.

– Почему не дали? – удивился Игорь. – Дали. В боксах стоит, так просто для разъездов не пользуем. Куда же по таким задачам без брони?

Мы как раз проходили мимо стены с отметинами от пуль, и я показал ему на них:

– А не пора еще разве?

– Нет, не пора, – усмехнулся он. – Это залетные какие-то нарисовались. Шпана обычная на первый взгляд, где-то оружие добыла и носится по Москве. Постреляли, получили из «Утеса». Одна машина сгорела, если поедете к Матвеевскому, то увидите, а остальные бежали.

– А если вернутся? Числом поболее? – поинтересовался я.

– Тогда из Спецакадемии бронегруппа придет, – пояснил Игорь. – Основные силы наши там, здесь вроде как форпост. Там и народу много, и даже школа есть. Через пару недель откроется, точнее. наших детей туда отвезем.

– Артиллерию там не догадались поставить?

– Плохо о нас думаешь, – усмехнулся собеседник. – У нас три «Подноса»¹¹ есть и в академии, но побольше наших.

– «Сани»,¹² что ли? – уточнил я.

– Они самые, – кивнул он. – От нас до них два километра всего, так что прикрывают оттуда полноценно.

Два километра. Если исходить из того, что второй вход в хранилища точно в Спецакадемии находится, склады-то немаленькие получаются. Они же не просто тоннелем сделаны, если два километра (как минимум) в длину, то сколько в ширину? И сколько там вообще уровней?

– Пойдем чайку попьем. Там еще из академии народ заехал с вами познакомиться, – сказал Игорь.

– Пойдем, – согласился я. – Мне тоже интересно.

¹¹ 82-миллиметровый миномет.

¹² 120-миллиметровый миномет.

Мне действительно было интересно. По всему выходило, что в Спецакадемии обособились фээсбэшники, да и кто туда, кроме них, мог доступ получить? Никто. И насколько я понимаю, наиболее боевая их часть, все спецподразделения, что были прикреплены к УФСБ по Москве и области, а заодно центрального подчинения. Можно сказать, коллеги наших Пантелеева с Соловьевым, но из несколько конкурирующей организации. Впрочем, без нездоровых проявлений этой конкуренции.

Кстати, прошлое самого Игоря меня тоже здорово интересовало, непохож он совсем на кабинетного человека, да и просто на охранявшего объекты – тоже. Это по всему видно – как с оружием обращается, как снаряга на нем висит, как вообще держится. Не выдержал, спросил. Оказалось, служил в контртеррористическом управлении, но не в Москве, а в Управлении по Питеру. Потом официально вышел в запас, устроился в частное агентство, в какое приказали.

Рассказывал теперь он это легко, потому что мы оба понимали, что всем этим тайнам прошлого в нынешнем мире цена хрен целых хрен десятых. Нет уже ни ФСБ, ни Управления по Санкт-Петербургу, даже террористов не осталось. Вообще ничего не осталось. Не веришь – выгляни за забор.

Возле нашей техники на площадке стоял БРДМ-2А – современная переделка заслуженного броневика, который теперь получил широкую колесную базу, расширители арок над массивными бронетранспортерными колесами и дизельный двигатель вместо старого, не слишком мощного бензинового. Симпатичный броневик получился, обзавидуешься, нам бы такой. Мы на старом «бардаке» в инженерно-разведывательный дозор выходили, оценил машину. И, по нынешним временам, главное в ней даже не могучий КПВТ в башне и не броня, не хрен-то какая, если честно, а то, что расход топлива у этой машины, как у обычного грузовика. Недостатки есть, конечно, например, такой, что иначе чем через верхние люки его не покинуть и внутрь не залезть, но для езды на броне это не критично. А в этой модификации даже двери сделали, демонтировав выдвижные колеса, правда, низенькие, для входа «на четырех костях». А то, что он априори сильнее любого небронированного транспорта, это важно. Так что я от такого в нашей колонне при походе в «Шешнашку» ни о чем бы не отказался. Если бы кто предложил.

Кроме «бардака» там пристроился УАЗ с удлиненной базой, явно бронированный, из последних, что для Чечни делали. Хорошая машинка, крепкая.

... Чаевничать собрались в одном из залов административного корпуса, перестроенном под столовую. Чай разливали из самого настоящего самовара, к моему удивлению. Ну надо же, вот гранаты чайной церемонии! Народ из академии приехал все больше серьезный, по мордам видно. И явно с нашими «подсолнухами» знакомый, потому что разговор у них шел оживленный, как будто даже не чай пьют, а водку.

Увидев меня, Соловьев представил меня как «командира партизанского отряда», «прикнувшего и сочувствующего», в общем, издевался, как хотел. Но такое представление было встречено доброжелательно, все по очереди пожали мне руку, представились. Запомнил я всего двоих – подполковника Нестерова, белобрысого, красномордого дядьку пугающих габаритов, и молодого старлея с гранатометом ГМ-94, новой мощной штукой для стрельбы 43-миллиметровыми гранатами, специально для городской войны сделанной. Старлея звали Димой.

Чаевничали час примерно. До чего договорились, так это до того, что завтра в «Пламя» прибудет первая группа «академиков», которые вместе с нашими начнут планировать мародерские операции в брошенных подмосковных торговых центрах. Теперь уже всем все равно, так что совесть спит спокойно, можно грабить.

Затем Соловьев дал команду к отбытию, и все засобирались. Через минуту мы уже сидели на броне, а двое доценковских бойцов, проверив, что делается за воротами, распахнули металлические створки, и колонна выбралась на улицу. Следующей точкой маршрута была улица

Автопроездная. Это Пантелеев настоял, чтобы мы посетили здание института. Зачем – он и сам точно не знал, но сказал, что, может быть, мы обнаружим что-то интересное. Компьютеры ли, документы, что угодно. На месте разберемся. Ну, может, он и прав.

Дальнейший наш путь через город начал вызывать у меня тяжелую депрессию. Сейчас я был особенно рад, что не стал принимать предложение Доценко присоединиться к «племени» на автобазе. Смотреть на такое постоянно через забор – сам вскорости в петлю полезешь. Город умер. Город был убит. Жизнь из него ушла, но не это было самым мрачным. В него вошла Незданность, то есть что-то намного более жуткое, чем сама смерть. И присутствие этой самой Незданности ощущалось постоянно, куда бы ты ни глянул, ты везде видел ее. Были ли это бестолково бредущие или смотрящие вслед машинам ожившие трупы, были ли это обгрызенные останки тех же зомби или людей на тротуарах, были ли это выбитые окна домов или не смытые дождем пятна запекшейся крови на асфальте. Все пугало, все давило, все вызывало тоску. И венчали картину пожары в опустевшем городе, которых было множество. Куда ни брось взгляд – везде поднимались в небо черные столбы дыма. Ад.

Учебный центр «Пламя», расположенный в лесу, между озером и его старицей, где кипит жизнь и люди работают, сейчас казался настоящим раем на земле. А здесь... мне казалось, что тысячи мертвых глаз следят за мной из тысяч мертвых окон, что сам воздух здесь враждебен любой жизни, и я как будто бы даже боялся вдохнуть глубоко. Страшно было в Москве, очень страшно. Так страшно, что хотелось бежать отсюда без оглядки и никогда не возвращаться.

Я вновь натянул маску на лицо и закрыл глаза тактическими очками, словно это должно было охранить от того мертвого взгляда, которым смотрел на меня мертвый город, словно я скрыл свое лицо, и он меня никогда теперь не узнает. Это было бы смешно, но я заметил, что все сидящие со мной рядом на броне чувствуют себя неудобно. Тот же Копыто, которого я наконец рассмотрел и выяснил, что это «контрабас» из Костромы, рыжий, конопатый и круглолицый, и тот старался держать машину как можно дальше от всех стен и окон. Странное ощущение, что на тебя или могут броситься откуда угодно, или ты заразишься чем-то плохим, излишне приблизившись.

Едва мы вкатили на улицу Автопроездную, я сразу понял, что нам ничего в институте не светит. Потому что института не было, а было заваленное мощным взрывом или серией взрывов здание, от которого осталась груда изломанных стройматериалов. О чем я и известил Соловьева. Он кивнул и дал команду проезжать без остановки, только замедлиться до пешеходной скорости. Мало ли что разглядим в последний момент.

– Думаешь, твое начальство взорвало? – спросил меня Бугаев.

– А кто же еще? Они, разумеется, – подтвердил я. – Разом все вопросы сняли. Чтобы не копался никто.

– Значит, точно от них все пошло, – кивнул капитан.

БТР сбросил скорость и, слегка порывая дизелем, медленно поехал вдоль почти полностью завалившегося бетонного забора, объезжая наиболее крупные обломки бетона, лежащие на дороге. Обломков немного было, кстати, взрыв был произведен с умом, профессионально, здание просто сложилось внутрь себя. Тут и с экскаватором не один день провозишься.

Возле пролома я увидел сидящего на асфальте мертвяка, одетого в знакомый, хоть и очень грязный наряд. Я присмотрелся внимательно – Олег. Олег Володько, которого по-прежнему можно было узнать, несмотря на обвисшее, бледное, частично разложившееся лицо, измазанное запекшейся кровью.

– Остановите, пожалуйста, – сказал я неожиданно охрипшим голосом.

– Стой, Копыто, – не задавая вопросов, скомандовал Соловьев.

БТР, слегка качнувшись, остановился. Володько, сидящий неподвижно на земле, поднял голову и уставился на меня, спрыгнувшего с брони. Глаза были не Олега. Если все остальное,

несмотря на посмертные изменения, было узнаваемо, даже две дырки от пуль против сердца, куда выстрелил Оверчук, то глаза были совершенно другими. Странная смесь равнодушия, даже непонимания, одновременно с невозможной, удушающей злобой и голодом, – вот что они, как мне казалось, излучали. Это даже не его взгляд был, это как будто нечто смотрело через его глаза на меня, ненавидело меня за то, что я живой, и хотело поглотить.

Я достал из кобуры ПБ. Не знаю, почему не взялся за автомат, а именно за пистолет. Это какой-то знак уважения к покойному? Может быть. Может быть, это еще станет когда-нибудь ритуалом. Последним «прости».

Володько издал тот самый еле слышный скулящий звук, который я уже не раз слышал от мертвяков, начал быстро и ловко подниматься с земли. Он уже был «ветераном», быстрым и хищным, непонятно только, почему он не убежал и не кинулся сразу. Да это и неважно теперь. Я навел пистолет ему в лоб, большим пальцем оттянул рубчатую округлую головку курка, взведя его с хрустящим щелчком, и нажал на спуск. Хлопнул выстрел, во лбу у Олега появилось отверстие, а сам он рухнул навзничь. И больше не шевелился. Похоронить бы надо, да не получится. Нехорошо. Жаль.

Я спустил курок с боевого взвода и убрал пистолет в кобуру. Ну вот и все. Хоть одному человеку из тех, кто работал со мной, отдал последний долг. Я вернулся к машине, и Соловьев, ничего у меня не спрашивая, дал команду трогаться с места.

– Копыто, давай теперь на Ленинградку, по утвержденному маршруту. Посмотрим там, как спасти программистов, – сказал он в люк.

– Понял. Сделаем, – откликнулся Копыто, снова скрывшийся за маской, очками и шлемофоном. Впрочем, теперь мы все так выглядели снова.

Двое на крыше

31 марта, суббота, день

– Смотри, вояки, – сказал он, ткнув пальцем в сторону появившихся на параллельной улице бронетранспортеров с пехотой на броне.

– Ага, – кивнула сидящая рядом девушка безо всяких эмоций в голосе.

До бронетранспортеров было метров шестьсот. Дом, на крыше которого они сейчас сидели, был крайним в группе двенадцатиэтажек, за которыми раскинулся сквер, отделяющий их двор от улицы Автопроездной. За последние два дня это были первые живые люди, которых им удалось разглядеть с их наблюдательного пункта. Мародеры здесь не крутились особо, потому что в этом районе их ничего не привлекало, так что одиночество было полным.

Девушка, сидевшая рядом, появилась здесь случайно. Он встретил ее во время одной из своих вылазок, спокойно идущую по улице, с таким видом, как будто ничего вокруг и не происходит. Она остановилась, глядя на него, укладывающего в кузов развозного фургона «Рено» коробки с консервами.

– Привет, – сказал он, после того как заметил, что она стоит у него за спиной.

– Привет, – ответила она.

Она не была красавицей. Короткие жесткие волосы соломенного цвета, веснушки, почти сливающиеся между собой – так их было много, короткий курносый нос, слишком крепкий подбородок. Однако в ее глазах было что-то, что отличало ее от всех вокруг. Взгляд ее выражал абсолютную безмятежность, столь странную на фоне гибнущего вокруг них мира.

– Хочешь со мной? – спросил он, кивнув на кабину фургончика.

– Не знаю, – пожала она плечами. – А куда ты?

– Домой.

Из-за угла застекленной витрины супермаркета, откуда он как раз и выносил продукты, показался бредущий своей покачивающейся походкой мертвяк. Девушка как бы вопросительно подняла брови, посмотрев на него и на приближающуюся опасность.

У него было самозарядное ружье, висевшее наискось за спиной, но патроны он предпочитал не тратить. Он ухватился за длинную деревянную рукоятку, торчащую из-за лежащих в кузове коробок, и в руках оказался увесистый молоток на очень длинной ручке. Держа это оружие наперевес, он шагнул к мертвяку, уже привычным движением замахнулся и ударил. Треснул расколовшийся череп, труп с глухим стуком упал на асфальт. Вокруг на асфальте лежало уже пять мертвых тел – этот не был первым. И девушка посмотрела на него с уважением.

У него же во время этого короткого боя, скорее даже убийства, лицо ни единой чертой не дрогнуло и не изменилось – как гвоздь забил. Забил – и забыл.

На улице появилось еще двое мертвых, метрах в пятидесяти, но он не стал тратить на них времени. Уселся за руль машины, завел двигатель, жестом пригласив ее в кабину. Она села справа от него. Он резко рванул с места, и она услышала, как в кузове застучали о борта штабеля картонных коробок, когда фургон с креном развернулся на широкой улице и набрал скорость.

Ехать пришлось совсем недалеко, минут пять. Машина вплотную подъехала к двери подъезда старой панельной двенадцатиэтажки. Он подал ее задом почти к самым дверям подъезда, вышел из-за руля, распахнул задние дверцы фургона, снова подал назад, вплотную прижав кузов к стальному листу, прикрывающему вход в подъезд.

Он размотал цепь, прижимающую стальной лист к дверям подъезда, сдвинул его в сторону, открыв безопасный проход. Они вдвоем через кабину и кузов машины пробрались в зда-

ние, а затем начали перегружать в подъезд коробки с добычей. Она взялась ему помогать, на что он ей не сказал ничего, даже не кивнул.

Он жил в квартире на самом верхнем этаже, и таскать коробки пешком туда было тяжело. Хотя он, несмотря на худобу, проделывал это легко, и она даже поразилась, сколько силы кроется в этом тощем мрачном парне. Самой ей не хватало сил для того, чтобы нести целый ящик консервов, поэтому он поручил ей таскать запаянные по шесть штук в полиэтилен блоки бутылок с минеральной водой.

Так, часа за три, как ей показалось, они перенесли к нему в квартиру все, что он привез. Он даже не выглядел уставшим, к ее удивлению, как ей показалось, он даже не вспотел. После того как последний картонный ящик улегся на свое место в и без того не малом штабеле, он позвал ее, быстро, почти равнодушно раздел, оглядел с ног до головы, как будто размышляя, что это еще за товар такой, который он привез из разграбленного магазина.

Товар был неплох. Она не считала себя красавицей, зато знала, что у нее идеальное тело. И это была чистая правда. Даже многочисленные веснушки не портили впечатления. Судя по всему, ему тоже понравилось. Он наклонил ее у кухонного стола и быстро ею овладел, как-то механически и равнодушно. Но она поняла его правильно – это не был секс, это был акт социального порядка. Ей указали ее место в иерархии, и она не имела ничего против.

Затем, прихватив две бутылки сухого вина, они поднялись на крышу здания, где уселись в два новеньких шезлонга, даже с не оторванными ценниками, которые он привез из одного из своих рейдов. Было еще прохладно, но он дал ей теплую горнолыжную куртку, такую же новенькую, как и шезлонги, и сам накинул такую же на плечи. Так они и сидели до темноты, попивая вино и разглядывая мертвый город, раскинувшийся перед ними.

Затем они спустились в квартиру и он, без всякой видимой причины, после того как она разделась, довольно сильно избил ее ремнем. Но она совсем не обиделась, признав за ним право распоряжаться как ее судьбой, так и ее телом.

Еще из его поведения и нескольких фраз она поняла, что он не любит и никогда не любил людей, и только сейчас ему наконец удалось избавиться от их общества. Он всю жизнь мечтал об одиночестве и сейчас наконец его добился. Она же одиночества этого не нарушала, а скорее дополняла и подчеркивала его. Как так получалось, она объяснить не могла, но знала, что права. Эта истина открылась ей в первую ночь. По ночам он был страстен и удивительно нежен с ней. Они засыпали уже под утро, утомленные, на смятых и скомканных простынях, но так и не сказав друг другу ни единого слова.

Каждое утро он не меньше часа молотил большой кожаный мешок руками и ногами, а на второй день ее пребывания в доме заставил и ее повторять все за ним. И у нее неплохо получалось.

С утра они выезжали на фургоне в город, привозили из поездок продукты, книги, очень много книг, самых разных, одежду. У него в квартире оказался собран целый арсенал всевозможного оружия, и он не говорил ей, откуда оно взялось, а она и не спрашивала, хоть и понимала, что никто ему его не дарил. Он научил ее пользоваться молотком для уничтожения зомби, и после первых двух удачных попыток ей даже понравилось. Напоминало какую-то игру, правда, непонятно, какую именно. Научил добывать бензин из брошенных машин, просто пробивая стенку бака стальной трубкой с надетым на нее шлангом. Многочему научил.

Они вообще очень мало разговаривали, произнося несколько бытовых фраз в течение дня. Она не спрашивала его, куда делись все жилыцы этого дома, хотя и понимала, что так не бывает, чтобы он остался один на весь дом, а все остальные побросали двери в свои квартиры открытыми. К тому же возле дома было разбросано немало костяков. Она не спрашивала его, что он намерен делать в будущем. Впрочем, она не спрашивала об этом и себя.

Ей нравилась такая жизнь, безмятежное существование на остатках мертвой цивилизации. У нее было ощущение, что они единственные живые в этом мире, и ей это нравилось. Судя

по всему, ему это нравилось тоже. Им обоим нравилось то, что они существуют здесь без цели, без смысла, нравилось, что они вольны делать все, что им взбредет в голову, – спать друг с другом, читать, сидя на крыше, в свете тусклого солнца, пить вино. Когда он пару дней назад увидел пронесшиеся на большой скорости машины, два черных джипа, у него даже испортилось настроение, и он снова ее избил, на что она снова совсем не обиделась. Она тоже считала, что эти ездки нарушили их уединение на развалинах мира.

Вот и сейчас, увидев бронетранспортеры, остановившиеся на минуту возле развалин здания напротив, а затем поехавшие дальше, она расстроилась, но не потому, что он снова ее избьет, а потому, что они снова вторглись в их жизнь. Но потом ее мысли сбились на нечто более приятное. Завтра у него день рождения, она подсмотрела в его паспорте, валявшемся на столике в спальне. А послезавтра – у нее. Ему исполнится двадцать семь, а ей – пятнадцать.

Сергей Крамцов

31 марта, суббота, день

Когда наша колонна поднялась на мост возле «Войковской», нас заметили. На этот раз нас ждали и все стояли у окон. Мы связались с осажденными по радио, узнали, что их двадцать девять человек на десятом этаже, все собраны в одном офисе и находятся в безопасности, и еще один человек, сторож, застрял на двенадцатом. Больше в здании никого быть не должно. По крайней мере, никто живой себя больше там не проявлял. Зато зомби проявлялись почему-то зря.

Была и очень плохая новость – электричество отключилось. Судя по всему, накрылась подстанция, потому что в двух кварталах отсюда электричество было, там мигала невыключенная вывеска над магазином или кафе. А нам придется пользоваться фонарями и светом из окон. Хорошо, что достаточно рано приехали, успели до наступления сумерек.

Соловьев начал спешно формировать штурмовые группы из числа людей, вооруженных автоматами. Таких в каждом десанте было трое, считая командира машины, и еще двое сидели в кузове «Урала». Восемь человек всего. Экипаж КШМ был укомплектован связистами, а не штурмовиками, работал по другим задачам, к тому же одного человека оттуда выделили за руль подобранной на обратной дороге «Нивы». С моста их, а точнее – нас, потому что я тоже шел, могли поддержать огнем два снайпера и два пулеметчика с «Печенегам». А вход на мост для мертвяков с обеих сторон должны были перекрыть башенные пулеметы брони. В каждом БТР было по три запасных боекомплекта, сложенных в десантных отделениях, так что патронов должно было хватить.

Операция придумалась сразу, после того как примерно определили высоту козырька подъезда бывшего институтского, а ныне офисного здания, и ширину входных дверей. Туда свободно входил задом «Урал», и им можно было начисто запереть вход в здание. Водитель и второй человек в кабине будут в полной безопасности, она пулю из пулемета держит, по крайней мере в жилой ее части, зато мы в здании будем защищены от вторжения извне.

Поделились на тройки. Мне выпало действовать с лейтенантом Сенчиным, поражавшим меня весь день своей невероятной молчаливостью. После утреннего разговора об энергетике он и слова не сказал, кажется. Замечательный человек, лучший компаньон. Еще был малознакомый мне капитан Власов из второго экипажа, который и был старшим в нашей тройке.

Прапора, путешествующие в кузове, придумали еще одну простую вещь – откинули задний борт грузовика и закрепили его в таком положении при помощи толстой алюминиевой проволоки. Теперь под откинутым бортом мог пролезть ну очень тощий зомби, и если кто-то останется в кузове, чтобы это дело пресекать, то защиту можно считать абсолютной. Борт ведь специально наращивали, для того чтобы кто ненужный не мог так запросто в кузов забраться.

Все проверили оружие, снаряжение. Я прикрепил к цевью автомата сбоку тактический фонарь, недаром Леха нам по целых три планки Пикатинни на них посадил, прямо на стандартный пластик. Пустячок, а приятно. Теперь берешь фонарь и надеваешь его на планку до щелчка. Протягиваешь от него тонкий пружинящий шнур с кнопкой, и прикрепляешь ее по той же сторону того же цевья, под указательный палец левой руки. И все. Никаких кронштейнов не надо. Что значит свой оружейник!

Соловьев еще раз вкратце описал задачу. Сводилась она к очень простой – убивать все, что умерло, но мирно не лежит. Идти наверх медленно, патронов не жалеть, все равно взяли с собой несколько ящиков. А заодно он отдал приказ при случае проверить, как действуют

на мертвяков светозвуковые гранаты. Зрением и слухом они пользуются. Так, может быть, взрыв «Зари-2»¹³ или, скажем, того же «Факела»¹⁴ сработает как надо?

Все четыре участвующие в операции двойки загрузились в кузов «Урала». Водитель резко рванул с места, набирая скорость под уклон с моста. Судя по звуку, он сбил пару зомби, которых уже немало направилось к расположившейся на мосту технике. Оттуда же слышна была стрельба из двух СВД – снайперы быстро расстреливали скопление мертвяков у входа в здание. Пулеметы пока молчали.

Пятнадцатитонный грузовик бодро набрал скорость, плавно вписался в какие-то повороты, которые были нам не видны из кузова, затем перед нами появился козырек подъезда офисного здания, куда нам предстояло проникнуть. Возле него валялось несколько трупов, работа снайперов. В холле тоже топтались мертвяки, но не слишком много, по-моему.

Грузовик резко затормозил, так, что мы чуть не полетели на спину, затем задним ходом, подвывая коробкой передач, быстро сдал к подъезду. С откинутым бортом небольшая промашка вышла, не рассчитали, что он будет, как бульдозерный нож, норовить сгрести все трупы на дороге, а снайперы уже настреляли их немало. Но все же они один за другим исчезали под днищем грузовика, а он лишь подпрыгивал, когда задние колеса наезжали на них.

Когда задний край тента, усиленного изнутри сеткой рабица (местная уже самодеятельность), уперся в косяк двойных дверей, Соловьев крикнул: «Бойся!», и в холл полетела СРГ «Факел». Все зажмурились и отвернулись. Рвануло и вправду здорово, грохнуло пулеметной очередью в нескольких местах, даже сквозь зажмуренные веки пробилась вспышка.

– Начали!

Выход мы отработали заранее, даже пару раз повторили прямо на улице. Сначала отстреливались ближние противники, затем четверо бойцов выпрыгивали из кузова в позицию «на колено», а еще четверо вели огонь сверху. Так и сделали. Я стоял во второй шеренге. Треснули несколько выстрелов, первая шеренга покинула кузов, а я подбежал к его краю и тоже опустился на колено, наводя автомат в свой сектор. Сразу луч фонаря поймал совершенно неподвижного мертвяка, который лишь слегка крутил головой, даже не глядя в нашу сторону. Я всадил ему в голову очередь, потом подстрелил толстую женщину в бигуди и домашнем халате, с обрывками свисающих из-под халата внутренностей, затем огляделся.

«Факел», по крайней мере в помещении, подействовал, это наверняка, тут никаких сомнений – все зомби в холле были совершенно дезориентированы, по ним стреляли почти как по неподвижным мишеням. Я застрелил еще одного, уже в чужом секторе, а они даже не начали реагировать на то, что их уничтожают. Даже те из них, которые вполне могли быть «ветеранами», а у одного на морде отчетливо были видны следы изменений, хоть и незначительных. В ином случае он бы или кинулся на нас, или смылся.

– Пошли!

Меня сначала хотели оставить в кузове, еще на этапе планирования операции, но я уперся рогом и пошел с основной группой. В кузове остались двое прапоров, удерживать холл чистым от бродячих мертвяков. А мы с Сенчиным и капитаном Власовым выстроились уступом, они впереди, разумеется, и быстро, но без суеты пошли к правой лестнице, ведущей на промежуточную площадку, где две лестницы сливались в одну, а затем – на второй этаж. Там лестница снова делилась на две и так далее. Привычная в любом казенном здании тех времен постройке картина.

На лестнице зомби не было. А вот когда мы вышли на площадку между этажами, то увидели сразу пятерых. Выстрелить я не успел, их завалили шедшие впереди, потому что меня, как самого неопытного, держали сзади. На втором этаже группы разделились влево-вправо.

¹³ Светозвуковая граната, дающая яркую вспышку и звук мощностью до 170 Дб.

¹⁴ Блок из шести светозвуковых гранат, мощностью аналогичных «Заре-2», применяется против толпы.

Дверь в один коридор, та, которая с нашей стороны, была заперта, а со стороны, где шел Соловьев с нашим прапорщиком и еще офицером со второго БТР, была открыта. И там точно кто-то был. Раздалось несколько коротких очередей, а затем под эту дверь, открывающуюся наружу, забили деревянный клин. Тоже «домашняя заготовка», у меня в одном из карманов разгрузки тоже таких клиньев шесть штук лежит.

— Пошли!

Второй этаж оказался заперт с двух сторон. Одну из дверей заклинили, под вторую засунуть деревяшку не смогли, потому что дверь была стальная и прилегала плотно. Но она была намертво заперта, а замки, самые простые, для зомби были непреодолимым препятствием, даже если они и открывались с их стороны, так что выход сочли безопасным. На этом этаже застрелили троих, причем на этот раз одного я записал себе.

Дальше на какой-то момент стало труднее. Судя по всему, зомби с верхних этажей разом пошли на выстрелы, и на следующей широкой лестнице мы застрелили уже одиннадцать мертвяков, которые падали и катились нам под ноги, заставляя меня каждый раз в испуге подскакивать. А ну как недобитым окажется, а ну как просто упал? С ними поди разберись, все «на одно лицо», мертвое. Один такой и вправду оказался, вцепился рукой Сенчину в ботинок, потянулся зубами и был застрелен им.

На этаже зомби повалили с двух направлений, с обеих сторон, я даже вынужден был несколько раз отталкивать их ногой, прежде чем удавалось стрелять. Они практически вцепились в нас, в какой-то момент я даже решил, что нам хана. Кругом были синюшные перекошенные хари, вонь была такая, что дышалось с трудом. Сверху тоже продолжали валить новые и новые ходячие трупы, выстрелы грохотали непрерывно. Пули давали множество рикошетов от стен, но все большее вверх, к нашему счастью, но я все равно втянул голову в плечи и жалел, что у меня броник без воротника. А уж о фартуке жалел в особенности.

Применять светозвуковые было невозможно, слишком тесно, нам бы самим досталось, поэтому отбиваться могли исключительно огнем. Я едва успел переставить спаренный магазин автомата, хорошо, что заранее скрепил их попарно клипсами. Какой-то мертвяк просто свалился почти на нас сверху, потянувшись через перила, но достиг лишь того, что сбил атаку других мертвяков, на которых рухнул. Так их и расстреляли, когда они пытались подняться на ноги.

Цевье «сто пятого» начало нагреваться, я чувствовал жар, идущий от ствола, под ногами звенели и хрустели стреляные гильзы. Трупы валились друг на друга, образуя заторы, скатывались вниз. «Ветераны» пытались укрываться за другими мертвяками, тянулись к нам сверху или просто убегали.

Когда мы все же отбились от этой волны, второй магазин «сто пятого» выпустил трассер. Значит, в нем осталось всего два патрона. А Сенчин даже перешел на пистолет, настолько некогда было перезарядиться, и сейчас менял магазин в своем «Граче». В воздухе стоял туман от сгоревшего пороха и отчаянный его запах, забивавший даже мертвячью вонь. Весь пол под ногами был засыпан стреляными гильзами.

Я отсоединил опустевшую спарку рожков и заменил ее полной. Еще шестьдесят в боевой готовности. И еще две таких в разгрузке. Дальше придется набивать.

Но дальше стало легче. Мы заблокировали двери клиньями, пошли вверх и следующие три этажа прошли почти без сопротивления — основную волну мертвяков отсюда мы уже отстреляли, они сами к нам пришли.

Чуть выше их снова прибавилось, но уже не катастрофично. В этажи мы не лезли, убивали лишь тех мертвяков, которые крутились у дверей, при возможности двери захлопывали и блокировали клиньями. В этих отрезках, кстати, пряталось немало «ветеранов», тех, кто сообразил, что лобовой атакой нас не взять.

До десятого этажа мы дошли минут за пятнадцать. Не спешили, предпочитая выманивать нашего не слишком сообразительного противника на себя, занимая выгодную позицию. Пострадавших у нас не было, хотя... если страдаешь от зомби, то считай себя покойником. Эти медлительные и неумные твари ведь, на самом деле, безумно опасны. Один укус, самый легкий, и ты пополнишь их ряды. Не следует их недооценивать, совсем не следует.

Десятый этаж зачистили полностью, включая коридор напротив офиса «Логософт», но прятавшимся там пока выходить запретили. Двое остались возле их двери, я и Сенчин, остальные двумя парами пошли выше, на двенадцатый этаж, где прятался сторож. Вернулись минут через пять, вместе с мужичком лет пятидесяти в камуфляже и старых кроссовках. Затем уже постучались в дверь с табличкой «Логософт».

Она немедленно распахнулась. И оттуда, чуть не свалив меня с ног немалым своим весом, прямо на шею мне метнулась могучего сложения дама. Пришлось сразу же наводить порядок, причем Соловьев снизошел до уставного рявканья, пришлось строить людей в колонну, одновременно продолжая наблюдать подступы к двери.

Тридцать человек – это немало. Растягивались они сильно, с ними были дети, некоторые совсем маленькие. Ввели мы эту неуклюжую колонну людей тремя парами. Одна впереди, одна блокирует следующую лестничную площадку, еще одна замыкает. Спускались долго, с остановками, постоянно проверяясь. Люди нам, правда, попались все больше толковые, точно соблюдавшие команды, хоть с этим был порядок. Но когда начали переводить их через завалы из мертвых разлагающихся тел на месте недавней бойни, дети отчаянно испугались, да и с несколькими женщинами начались проблемы. А проблевались так все, пожалуй, вызывая цепную реакцию. Запах рвоты перебил вонь мертвечины, и тут уже спасенных гнали вперед криками и матерщиной, нельзя было застревать.

Когда вышли в холл, то выяснили, что прапора тоже времени не теряли, и из разных закутков на них вышло до десятка мертвяков, которых они и перебили. Двое, сидевшие в кабине, ругались последними словами. Зомби лезли на них со всех сторон, висели на дверях, и разглядывать мертвые уродливые лица за бронестеклом в полуметре от себя было неприятно и просто страшно.

Бронегруппа на мосту тоже вышла на связь и сообщила, что противника здорово прибавилось. На выстрелы начали выходить целые толпы мертвяков откуда-то из-за зданий. Во всяком случае, звук двух работающих КПВТ с улицы слышался, а его разбавляли очереди из «Печенегов» и ПКТ.

Кузов «Урала» рассчитан на перевозку двадцати восьми человек, а нас туда набилось тридцать восемь, да еще и с сумками. Пришлось гражданских совсем запрессовать в передней части кузова, причем несколько детей, не разглядев, уселось на полиэтиленовый сверток с убитым морфом. Ну и нечего им такую новость сообщать, подумалось мне, нам детского визга на лужайке только не хватает до полного счастья.

А дальше все было еще интересней. Вся кабина грузовика была увешана прицепившимися мертвяками, и, после того как машина отъехала от подъезда подальше, она остановилась, и нам пришлось «состреливать» зомби с нее. При этом так, чтобы пулями не повредить стекло. Пробить его невозможно, из того, что у нас есть, а вот испортить и испятнать – запросто. Поэтому стреляли из пистолетов, сбив целых пятерых мертвяков на землю.

С моста уже откровенно и матерно торопили. Чтобы вырваться на верх моста, грузовику пришлось уже таранить почти что настоящую толпу зомби, к счастью еще не слишком плотную. Возле бронетранспортеров остановились со скрипом резины по асфальту. В кузове с гражданскими остались двое прапоров, быстро захлопнувших задний борт, а мы бросились к своим местам на броне. И лишь оттуда, с безопасной высоты, в приятной близости от открытого люка, я наконец огляделся.

Пулеметы брони и снайперы навалили немало. Но со стороны центра к нам шла такая толпа, что было ясно, что никакого боекомплекта нам не хватит. Вторая толпа, чуть реже, приближалась со стороны Кольца.

А еще я заметил несколько фигур в разных местах, которые двигались быстрее других и вообще по-другому. Морфы. Их все же много. И они могут стать большой проблемой. И наверняка станут. И когда мы пошли на прорыв и раздалась команда «С брони нах!», никто и не спорил. И звук захлопнувшейся бронированной крышки люка над головой был даже приятен.

А затем Соловьев приказал увеличить скорость до семидесяти в час. Он счел, что скорость будет лучшей защитой от излишне прыгучих морфов. И на этой скорости наша колонна понеслась прочь из мертвого города.

Бислан Исмаилов, недавний студент

31 марта, суббота, день

Бислан приехал в Москву два года назад, став студентом автодорожного института. В иное время ему бы такая честь ни за что не грозила, отличником он никогда и у себя на родине, в городе Гудермесе, не числился, а уж про уровень московских вузов и мечтать-то было смешно, но помог случай. Точнее даже, не случай, а глупость высокого федерального начальства, придумавшего возможность сдачи вступительных экзаменов на месте для абитуриентов из проблемных северокавказских регионов. Понятное дело, сдавали экзамены не те, кто мог, а те, у кого родственники что-то могли, и вовсе не в науках. Бислану помог дядя, состоявший в охране у одного из Ямадаевых. Поговорил с кем надо, попросил за племянника, кому-то в чем-то помог, и все срослось как надо. По документам экзамены были сданы блестяще, и вскоре Бислан отбыл в столицу, под опеку еще одного своего родственника, Магомеда Арсанкаева.

Магомед был фигурой примечательной. Брат его, Маирбек, был немалым «амиром» у боевиков во время войны, правда, потом умудрился попасть в плен и получить пожизненный срок. Магомед же отсидеть еще в советское время успел за торговлю наркотиками и в мутное послесоветское время половил рыбку в разных местах – и на нефти с дудаевской командой, и на фальшивых авизо, и банальной уголовщины не чурался. В войну не вмешивался, хоть честно отдавал людям брата ежемесячно некую сумму «на джихад».

Ходили слухи, что Магомед помогал Маирбеку организовывать похищения зажиточных москвичей в период между первой и второй войной, но это так слухами и оставалось, хотя все знали, что у Маирбека основной доход был с заложников.

Великих миллиардов Магомед все же не заработал, как-то основные потоки проплыли все больше мимо него, но к тому времени, как Бислан приехал в Москву, старший родственник уже владел целой кучей мелких магазинчиков и лавок на подмосковных рынках, какими-то пашлычными и несколькими грузовыми «Газелями». Работали на него несколько десятков таджиков и кучка дальних родственников, приехавших в Первопрестольную в поисках лучшей доли.

Бислана обременять чем-то всерьез Магомед не стал из уважения к его дяде – не последнему человеку в родне, да и статус студента хорошего института тоже что-то значил. В общем, взял его под крыло.

Учеба поначалу Бислану понравилась. На курсе нашлись еще с десяток земляков, поступивших таким же странным способом, как и сам Бислан, так что образовалось землячество. Кроме них были и иные землячества, дагестанское, например, кабардинское и самое дружественное им – ингушское.

Гуляли, веселились, наслаждаясь неожиданно свалившейся на головы свободой, совсем непривычной для восемнадцатилетнего чеченца, каждый шаг которого на родине рассматривается десятками взглядов и каждое слово которого оценивается. А теперь – иди куда хочешь, делай что хочешь, и самое главное – в жизни появились женщины, непривычно доступные. Впервые же Бислан попробовал алкоголь. Появились любимые клубы, появились товарищи, с которыми туда можно ходить.

Сначала, в самые первые дни, чеченцы-первокурсники вели себя относительно прилично среди таких же студентов, но потом те их земляки, которые сумели дотянуть до второго курса, объяснили им, как на самом деле обстоят дела: русские трусливы и друг друга не защищают, даже за бабу вступить не могут, грабь их – и они только глаза отводят и делают вид, что ничего не случилось. Ну и девок жалеть нечего, второкурсник Иса Цацаев, например, заставил девчонку из Самары, проживавшую в общежитии, не только спать с ним, но и ислам при-

нять. Та поначалу сопротивлялась, жаловаться пыталась друзьям, но те боялись вмешиваться, ходила в деканат – там ее просто послали, а когда собралась в милицию идти – Ису из деканата же предупредили, и он ее по дороге встретил и убить пригрозил. Ну и вломил так, что она с четверенек встать не могла. И что? Да ничего, когда надоела она ему – он ее послал и велел на родину убраться, чтобы не отсвечивала. И уехала, куда бы делась, а землякам и прочим плевать на нее было, сделали вид, что ничего не слышали и не знают.

Прошло немного времени, и Бислан убедился в том, что земляк прав. Землячества обложили данью почти всех иногородних студентов и частично местных, жили припеваючи, и было лишь несколько небольших группок русских, все больше спортсменов, которые себя трогать не давали, но ни за кого при этом не вступались, хоть режь их земляков у них на глазах, хоть трахай. Даже в клубах не было раза, чтобы их компания кого-то не избилась или даже не порезала, и каждый раз он убеждался в том, что русские вступить друг за друга неспособны. Ни охрана не вмешивалась, ни друзья избиваемых подчас.

Так Бислан просуществовал в институте до конца первого курса, окончательно убеждаясь в том, что русские созданы для того, чтобы кормить гордый чеченский народ. Ну вроде большой такой отары овец, хоть стриги их, хоть на жижиг-галныш пускай.

Первое разочарование в новой жизни случилось, когда Бислана отчислили за академическую неуспеваемость – про то, что надо еще и учиться, он даже не вспоминал. Родственник помочь не смог или не захотел – в деканате за исправление оценок запросили такие деньги, что он бы точно платить не стал. Дядя из Гудермеса тоже не помог, у его покровителя своих проблем хватало, не до того теперь стало. Отец обратился к Магомеду, попросил пристроить сына к какому-нибудь делу, чтобы тот в Москве остался. Тут Магомед возражать не стал, и уже через неделю Бислан заправлял в кафешке, совмещенной с игровым залом, на рынке стройматериалов, что раскинулся за Кольцевой.

Против ожиданий, работа оказалась нелегкой, суетливой, радовало лишь то, что под рукой всегда были две официантки-нелегалки, обе родом из Ровно, которые исправно отбывали «половую повинность», помимо основной работы, и при этом на большие деньги не претендовали. Однако приходилось рано вставать, поздно ложиться, все время проводя на шумном и пыльном рынке, временами самому ездить к оптовикам за продуктами, а Магомед бдительно следил за тем, чтобы молодой родственник хлеб ел не даром. Кафешка процветала, автоматы давали не меньше тридцатки зеленым в месяц, а то и больше, ну и Магомед хоть и не баловал, но на зарплату не скупился.

К великой радости Бислана, на рынке ему снова встретился Иса Цацаев. Иса не сумел преодолеть рубеж второго курса и подвизался на подхвате на этом же рынке, тоже у родственника, конкретно – у двоюродного брата отца. Правда, занимался он не рестораторством, а скорее «решал вопросы» – родственник состоял в доле во всем этом рынке и по большей части крышевал его «по бандитской линии». Кроме чеченцев была и вторая крыша, ментовская, с которой сыны гордого кавказского народа жили душа в душу и которая все больше собирала деньги с нелегалов за право дышать, а заодно и с их работодателей, которые не слишком заморачивались соблюдением Трудового, Гражданского, а подчас и Уголовного кодекса по отношению к своим наемным работникам.

Сам Иса еще и приторговывал налево оружием, которое подкидывал ему на продажу с какого-то склада некий таинственный Майор, ну и Бислан сам пару раз с неплохой выгодой перепродавал землякам «Макаровы» в серых картонных коробках, автоматы АКС и цинки с патронами. Подрабатывал, в общем.

В результате жизнь снова как-то устоялась, Магомед старание нового помощника оценил, приблизил к себе. Бислан теперь бывал у него дома – в большом, но невзрачном особняке, выстроенном в дачном поселке по Минскому шоссе, на восьми смежных участках, выкупленных у незажиточных соседей. Сейчас Магомед скупал с немалой для себя выгодой участки

прилегающие, потому что интеллигентные и все больше немолодые соседи старались от них избавиться – соседство Магомеда и его многочисленных друзей и родственников вносило нервность в их жизнь. Тем более что сам Магомед науськивал их поактивней пугать соседей, это облегчало процесс торга.

Со временем Магомед стал доверять Бислану больше. И как-то показал ему две потайные тюремные камеры в подвале, через которые проходил путь многих заложников из Москвы в село Бачи-Юрт, что недалеко от Гудермеса. При этом Магомед с тоской вспомнил былое время. Оттуда их перевозили на склад, принадлежащий Магомеду же, что находился возле железнодорожной станции, у самого выезда из Москвы по Каширскому шоссе, и уже на складе людей прятали в потайные камеры в «дальнобойных» фурах и прямым ходом гнали на Владикавказ, оттуда в Ингушетию и дальше, в Чечню.

Чуть позже Магомед стал привлекать Бислана «для массы» на нечестные теперь разборки. Тоже работа была нетрудная, стоять поодаль от говоривших, сжимая в кармане куртки выданный пистолет и стараясь выглядеть грозно. После этого Магомед всегда подкидывал денег, хоть младший должен был заниматься этим бесплатно, и за это Бислан был ему особенно благодарен.

Когда в городе начались беспорядки из-за оживших мертвецов, Магомед сумел среагировать правильно. Те, кто не уехал на родину, пытались прорваться через бардак на дорогах, собрались у него дома, благо места хватало. Одних мужчин, способных стрелять, собралось пятнадцать человек. Были и их жены, и дети, так что получился настоящий табор, но зато все были под рукой. Да и тесноты не было, помощники и родственники Магомеда просто заняли соседние дома. А когда, скрываясь от бедствия, в два из них приехали хозяева, то решили проблему с максимальной простотой, закопав тела в котловане под фундамент нового дома, строящегося неподалеку.

И тут Бислану впервые выпал случай отличиться в глазах Магомеда. Когда стало ясно, что проблема все больше и больше с каждым днем и от нее так просто не спрячешься за городом, Магомед сказал, что нужно искать серьезное оружие. Того, что у них было, не хватало. И Бислан принялся звонить Исе, благо мобильная связь еще работала. Иса откликнулся сразу, пообещал уточнить, что нужно, затем перезвонил и сказал, что Майор обещал сделать, только цену заломил безумную. И с этим Бислан пошел к Магомеду.

Тот думал недолго, через Бислана и его друга связался со старшим родственником Исы – Хамзатом Цацаевым, который, как выяснилось, происходил из дружественного тейпа, и в конце концов дал согласие на организацию встречи с таинственным Майором, заказав у того чуть ли не целый склад оружия и снаряжения. Через день снова была серия звонков по мобильным телефонам: Майор согласился на «встречу века». Гарантировал честность новых партнеров сам Иса Цацаев и его дядя Хамзат, которые поклялись всем святым, что покупатель честен и порядочен и расплатится до копейки на месте.

Встреча состоялась на следующий день, в лесу, тянущемся вдоль обочины Минского шоссе. К удивлению Магомеда, Майор оказался не «внутриком» и не ментом, а самым обычным армейцем с эмблемами связи в петлицах, и, как позже узнали, служил он аж в Космических войсках, в одной из подмосковных частей, где командовал складами РАВ. Это был среднего роста, красномордый и красноносый мужик довольно-таки бабьей комплекции, обладатель сиплого голоса и тяжелого запаха перегара. С ним на камуфлированной «шишиге» приехали двое прапорщиков и контрактник-водитель, которые держались настороженно и автоматов из рук не выпускали ни на секунду.

С ними же приехали два джипа с людьми Хамзата Цацаева, которые гарантировали Майору и его людям защиту.

Как выяснилось почти сразу после обмена приветствиями, все же тыловики из Космических войск недостаточно хорошо готовят к скоротечным огненным контактам на таких

дистанциях боя, особенно если стрелять начинают в затылок и именно те, кто гарантирует безопасность. Майора застрелил сам Хамзат Цацаев, а обоих прапорщиков, оказавшихся медлительными и тугодумными, несмотря на грозный вид, убил Бислан, впервые взяв человеческую жизнь. Водитель испугался, бросил автомат и попытался убежать под общий смех. Один из бойцов Магомед, Ваха, подобрал его автомат и всадил в спину длинную очередь, прервав последний нелепый бросок к жизни.

Груз «шишиги» делили пополам. Майор доставил целую сотню АКСов, десятки ящиков с патронами, пулеметы, ручные и единые, пистолеты, гранаты. Похоже, что он твердо решил не возвращаться к месту службы, потому что подобную недостачу уже не скроешь. К сожалению «заказчиков», в кузове был всего один гранатомет с единственным боекомплектом, хотя Майор обещал привезти несколько РПГ-7 с боекомплектом. Или наврал, или не получилось.

Заодно произошло формальное объединение теперь уже отрядов, а не банд Цацаева и Арсанкаева. Договорились действовать вместе. Поскольку сам Хамзат жил в центре Москвы, то он почти сразу принял решение перебраться со своими людьми в опустевший дачный поселок. Пусть пока и не смешиваясь окончательно с арсанкаевскими, но при этом располагаясь рядом. Людей в его распоряжении осталась ровно дюжина, и вместе с новыми союзниками они уже представляли собой серьезную силу.

Несколько дней вели себя неактивно, больше на разведку ездили, аккуратно выглядывая из поселка. Напрягало присутствие большого количества военных в окрестностях, занявших заправки, перекрестки, да и просто патрулировавших трассу. До Алабина, где располагалась Таманская мотострелковая дивизия, было рукой подать, и такое соседство здорово мешало. Впрочем, задумывались об этом старшие, а молодые рвались в дело. Двое друзей Исы Цацаева самовольно рванули в сторону трассы, где и начали внаглую останавливать уходящих из Москвы беженцев в машинах подороже, отбирая все ценное вместе с машинами. Получилось не так все просто, как раньше: раз сработало, второй раз, затем рядом остановилась вполне скромного вида «десятка», из которой высунулся ствол ружья и... вернулся в поселок только один из неудачливых грабителей, да и тот вскоре скончался от внутреннего кровотечения – несколько картечин засели внизу живота.

Как и кому мстить за это, никто не знал, тогда самые молодые мужчины пошли по дачному поселку до конца, вылавливая редких жильцов. Попавшуюся семью азербайджанцев как единоверцев отпустили, а с десятков русских, в основном пенсионного возраста, поймали и перерезали. И с этим тоже вышла промашка: никто даже не догадался стрелять убитым в голову – плясали зикр, орали, стреляли в воздух и не заметили, как один старикан встал и сумел вцепиться зубами в руку Вахе, здорово ее прокусив.

Дальше в какой-то момент началась настоящая паника – не все даже поняли, что случилось. Но справились, многие уже знали, что к чему, открыли огонь, быстро уничтожив угрозу. Тела затащили в дровяной сарай какого-то дома, побросав на поленницу, затем подпалили. Запах паленого мяса разошелся на всю округу, и Магомед Арсанкаев потом пообещал расстрелять каждого, кто снова такое учинит – за обедом кусок в горло не лез.

Обратившегося Ваху тоже пришлось добить, и его похоронили как подобает, до захода солнца, лицом к Мекке.

Затем Бислан снова отличился. Привыкший к доступному женскому обществу, он откровенно маялся без неизвестно куда сбежавших в панике официанток, готовых к любым услугам по щелчку пальцев. Но затем его осенило. Сперва пошептался с Исой, затем они привлекли еще четверых из самых молодых и на оставшейся от Майора машине рванули в город. Целью поездки было общежитие медицинского училища, куда в свое время Бислан захаживал с друзьями из институтского землячества. Там и парней-то вообще не было, все сплошь приезжие девки, спасать которых наверняка никто не догадается – не тот народ вокруг, русские как бараны, пока одного режут, другие глазами хлопают.

Как планировали, так и получилось. В общежитии застряли не меньше сотни девок, которых хватило лишь на то, чтобы завалить вход и ждать спасения. Появившиеся чеченцы отстреляли толкавшихся вокруг подъезда мертвяков, объявили себя спасателями и, когда вход открылся, ворвались внутрь, стреляя в потолок и устроив развеселую облавную охоту.

Поездка оказалась удачной. В кузове грузовика в поселок привезли двадцать одну девушку в возрасте от семнадцати до двадцати лет, решив сразу все свои проблемы, от сексуальных до бытовых. Нашлось теперь кому хозяйством заниматься, а жены и прочие родственницы тех, кто постарше, радостно приняли на себя обязанности надсмотрщиц. Получился даже некоторый излишек женского пола, но тут к делу подключился Магомед, который сказал, что найдет, куда пристроить остальных, и отпер много лет пустовавшие камеры в подвале.

– Видишь, знал, что пригодятся, – сказал он Бислану, усмехнувшись.

Тем временем определилась и основная сфера деятельности банды. Пока суд да дело, решили заняться, как и многие другие, мародерством. Склады и магазины гигантского мегаполиса, беззащитно раскинувшегося рядом, давали к тому совершенно бесконечный простор. Там было все, что когда-нибудь могло понадобиться в этой жизни, но были там и ожившие мертвецы, не дававшие мародерствовать свободно. Пришлось вырабатывать новую тактику, формировать боевые группы, правильно подбирать транспорт.

Шло в основном все гладко, разве что пару раз столкнулись с конкурентами. Пострелялись и разошлись, не понеся потерь, но, кажется, и не нанеся таких противнику, хоть молодые ребята уверяли в обратном. С их слов выходило, что противника они каждый раз чуть ли не на куски порезали, а куски съели. Хвастаться никто никому не мешал, у чеченцев это традиция, так что уровень собственного величия в собственных же глазах вырос у молодых до неба.

Затем у Магомеда появилась новая идея – взять какой-то район города, изобильный складами, под свой контроль и банально крышевать шарящихся там мародеров. Идея не прокатилась: даже разговор завязать не удавалось пока, чтобы объяснить условия – оружием уже все успели разжиться, кто в городе промышлял, так что дело сразу же доходило до стрельбы. Делиться никто не хотел. В такой разборке погиб двоюродный племянник жены Хамзата – автоматная пуля угодила ему в переносицу.

Но главная проблема у чеченцев оказалась одна – топливо. Подземных хранилищ на даче у Магомеда не водилось, естественно, заправки в окрестностях были под контролем военных с приданной броней, штурмовать и захватывать их было бесполезно. Даже если бы были гранатометы в достатке и удалось выбить броню на одной, военным нужны были минуты для высылки подкреплений. Да и вертушки время от времени проходили над дорогой. Заправляться на общих основаниях Магомед с Хамзатом вообще запретили даже соваться. Поняли, что у федералов могут просто сработать инстинкты, и тогда вместо бензина в баках будут новые похороны.

Сначала сливали топливо из брошенных машин в городе, но вскоре и с этим начались проблемы – трудно было найти хотя бы одну с непробитым баком. Не они одни оказались такими умными. Те же склады ГСМ, расположение которых удалось вспомнить общими усилиями, все оказались заняты, причем такими силами, что воевать с ними было себе дороже.

Затем представился случай решить эту проблему, по крайней мере на обозримое будущее. Хамзат вспомнил, что у его знакомого в промзоне на Каширском шоссе был целый склад, с которого тот неплохо торговал японскими и китайскими движками-генераторами, бензиновыми и дизельными. Сами по себе, без запасов топлива, они большой ценности не представляли, но тут и Магомед кое-что вспомнил. А именно то, что с противоположной стороны города, за Осташковским шоссе, уже несколько дней торгует базар, который опекает братва из нескольких авторитетных бригад, объединившихся вокруг нового бизнеса. А если есть базар, то может быть востребован и такой товар, как генераторы, да и многое другое из того, что хранилось в окрестных сараях в поселке, вывезенное в ходе рейдов в город.

Поэтому Магомед позвал Бислана и сказал:

– Ребят завтра с утра возьмишь, скатаешься на Каширку. Глянешь, на месте эти движки или уже нет их, понял? И сразу обратно, скажешь, что нашел. Если на месте, то послезавтра ребята КамАЗы подгонят, понял? А Хамзат завтра на рынок съездит, посмотрит, что там вообще есть. Если торговля пошла, то и мы при деле будем. Торговля – первое дело.

Сергей Крамцов

31 марта, суббота, вечер

Понятное дело, что в мое отсутствие никто из оставшихся даром времени не терял. Дел у всех хватало, поэтому, когда мы уже привычно встретились за длинным столом на ужине, я обратил внимание, что лица у всех усталые и довольные одновременно. Все при деле, все в безопасности.

Меня засыпали вопросами, поэтому я начал с того, что подсоединил камеру к ноутбуку, где и прокрутил им то, что снял в городе. Они смотрели в экран, сгрудившись, а я в это время смотрел на лица своих друзей. Коренные москвичи или некоренные, как моя Татьяна и Леха с Викой, все были подавлены. Крошечный, пятисекундный кусочек записи, когда толпа зомби начинает выходить из тоннеля под Ленинградкой, их просто напугал. Да и странно было бы, если бы не напугал, очень впечатляющее зрелище. Не говоря уже об атаке морфа возле «Ашана», которая была снята мной с самого начала и до конца, хоть и несколько дергано.

Картины запустения и пожаров тоже навевали тоску. По крайней мере, в глазах Маши, Ани с Ксенией, да и Алины Александровны я видел слезы. Кажется. Только посмотрев эту запись, они осознали окончательно, что старой жизни уже не осталось. И Москва людям больше не принадлежит, и никогда они уже туда не вернутся, а жизнь их будет продолжаться в совсем-совсем других местах.

Правда, потом за едой подавленность исчезла, а допущенные к употреблению «сто наркомовских» вообще сняли напряжение. Привыкаем, черствуем, начинаем воспринимать творящийся вокруг кошмар как обычную теперь жизнь. Да так оно и есть, собственно говоря, выбора у нас никакого, так что себя лишний раз переживаниями терзать? Никакой практической пользы от этого. Раз уж выпал нам выбор жить, то жить надо нормально, насколько это теперь возможно.

Шмель сказал, что они почти полностью сварили каркас безопасности на один из «уазиков» и завтра начнут его понемногу устанавливать, а вообще рассчитывают дня через три покончить с первой машиной и перейти ко второй. Пашка сегодня красил кабину «садка», хоть и весьма кустарно, без сушильной камеры и без размонтирования, лишь оклеив стекла и фары бумагой при помощи малярной ленты, но мы заранее решили, что красота и аккуратность покраски нас волнуют мало. Хорошо, что вообще красил из распылителя, а не кистью. Сейчас машина сохла в боксе, а с завтрашнего утра ею можно будет уже пользоваться.

Леха закончил переделку трехлинейки и передал ее Маше, которая вернула мне мой карабин. Ну и хорошо, он мне как талисман, если честно. Пусть и не слишком нужен теперь, но все равно приятно, что под рукой. Для Маши же переделали второй СКС, тот, который изначально был у Пашки. Он по кучности оказался вполне удовлетворительным, повезло, так что у нашего второго штатного снайпера был теперь весь набор необходимого.

Остальные под командой Сергеича учились воевать на учебных полях. Ну и славно, это очень на пользу. Сам Сергеич личным составом был доволен, так что и с этой стороны все у нас идет правильно.

– В общем, что я сказать хотел, – обратился я к сидящим, когда ужин подошел к концу. – В городе хана всему, конечно, но мародеры шарятся. И нам бы не мешало скататься туда разок-другой.

– А что нам нужно? – спросила Ксения.

– Резина автомобильная бы не помешала, – сразу ввернул свое мнение Степаныч.

Верно говорит, мы это уже раньше обсуждали.

– А где брать? – спросил его я. – И желательно так, чтобы все размеры в одном месте.

– Да есть одна идея... – замылся он. – Только не уверен, что хорошая. Не знаю, что там сейчас делается.

– Ну ты, Степаныч, излагай, а мы обсудим, – подбодрил его Леха.

– Наша колонна со склада в конце Каширки получала, – сказал Степаныч, затем добавил: – Да и Пал Палыч, товарищ мой... ну вы помните... Они тоже оттуда получали. Там промзона, и в ней складское хозяйство. Вот оттуда и брали, я точно знаю. Но что там теперь – не скажу. И вообще, там все больше Кавказ какой-то заправлял, так что не представляю, что может быть. Место большое, складов много, чего там только не хранили.

– Еда-водка-сигареты? – уточнил я.

Перечислил я три, на мой взгляд, самых опасных фактора. Где такой товар хранится, кого угодно можно встретить, и тогда уже точно жди проблем.

– Нет, – покачал головой Степаныч. – Там только промтоварное хранение.

– Если Кавказ заправлял, то просто готовиться лучше надо, – коротко высказался Леха. – А ехать – по-любому.

Тут он прав. Во-первых, тех хозяев может и не быть уже там, так что не о Кавказе речь. Второе...

– Степаныч, а самой резины склад большой был? – спросил я Шмеля-старшего. – Не вывезли под шумок?

– Нет, не должны, – покачал он головой. – Колес там много было, так они ими и не торговали почти, все больше по гаражам и хозяйствам... Не думаю.

Раз имеется вероятность, что товар есть, тут и обсуждать нечего, прав Леха. А даже если кавказцы там до сих пор, то просто нам надо быть очень хорошо готовыми к выходу, вот и все. Стрелять мы все умеем, и оружия хватает.

– А вам эта резина так нужна? – спросила вдруг Алина Александровна.

– Нужна, – ответил ей вместо меня Степаныч. – Если мы не один день жить планируем.

Ему она как-то не нашлась что ответить и замолчала.

– На этот раз поедem все, – сказал я, оглядев своих. – Все, кто у нас воюет. Будем считать это учениями, первым общим боевым выходом и вообще будем отрабатывать взаимодействие и новые тактические схемы. У нас таких походов впереди много.

Мое заявление вызвало чуть ли не восторг у «молодых», как мы называли сестер Дегтяревых и Пашку. На романтику их пока еще тянуло, в отличие от остальных, встретивших новость просто спокойно.

– Хорошо, – кивнул я. – Сергеич, Леха, займемся боевым расписанием на выход. Завтра день на подготовку, послезавтра с рассветом выходим. Степаныч, без тебя найдем место?

– Да... лучше бы со мной, – поморщился он.

– Хорошо, тогда «садка» поведешь, – сказал я. – Двинем на этот раз с «маткой», мало ли что? Случись чего, все на нем уехать можем. И берем «Патруль» с моим «Форанером». В «Патруле» пулемет можно на крышу поставить при снятом верхе, так что он самый удобный.

– УАЗы не берем? – спросил Шмель. – Даже «буханку»?

– Для дороги прибережем, – ответил я. – «Козлики» все равно не готовы, они бы как раз были, а «буханка» вроде как и не к чему.

– Ну... нормально, – пожал он плечами. – Сколько нас теперь?

– Считай сам: вы с батей и... Татьяна... слышишь?

– Не глухая, – усмехнулась девушка.

– Вы вдвоем за водителей.

– Может, я за третьего? – влез Пашка.

– Ты на бойца учиться будешь, – прервал его я. – Татьяна машину хорошо водит, так что она за руль.

Тут я душой не покривил, водила она действительно хорошо. Сказалось и увлечение мотоциклами «Эндуро», и спорт – реакция и мышечная моторика отличные, а больше ничего для шоферства и не нужно.

– Отлично, скатаемся, – обрадовалась она этому назначению.

– Дальше... – задумался я. – Маша за снайпера, с ней Сергеич за пулеметчика и Шмель. Шмелина, как из «Мухи» стрелять, не забыл еще?

– Да нормально все, – ответил он.

– Вот и будете тогда втроем отделением огневого поражения, – сказал я. – На «Патруле» как раз. Мы с Лехой, Вика и Пашка – две пары «штурмовиков», так сказать, группа проникновения. Готовы?

Это я уже к Вике и Пашке обратился. Возражений не последовало, даже возгордились немного, вроде как их доверием облекли. А чего мне им не доверять, если они в Солнечногорске за последние дни не один подъезд зачистили. Это они сами пока не понимают, что реального опыта у них больше, чем иной военный за весь срок службы получит. В бою были, живы – и отлично.

– А мы? – довольно зло спросила Аня, подозревая, что их направят в какой-нибудь глубокий тыл.

Ну почти угадали, разве что в нашей ситуации любой тыл фронтом мог обернуться за пять секунд.

– Одна из вас в прикрытие к Степанычу, вторая останется с Татьяной. Водил одних оставлять нельзя, категорически.

– Так там же эти... – чуть возмутилась она. – Которые «огневого поражения», Сергеич и Маша.

– Их мы в любой момент в помощь вызвать можем, а надо транспорт прикрывать. И вообще, все, хорош спорить, – закончил я свой ответ на решительной ноте.

Аня чуть надулась, но больше ничего не сказала.

– Теперь по «обновкам», кратенько, – продолжил я. – «Сто пятые» «калаши» получают Леха с Сергеичем, потому что у них основное оружие другое, и я, если еще и дробовик с собой тащу. Вика, Аня, Ксения, сдаете Лехе свои «весла» и берете новые «семьдесят четыре эм». Поняли? И сразу оптику и коллиматорные к ним. Вопросы?

– Нет вопросов, – за всех ответила Вика, явно обрадовавшись.

– Маша, – повернулся я к рыжей, – свой «укорот» меняешь на мой, он с планкой и просто новее. Будет у тебя за запасное оружие. Основным оружием трехлинейка. Ты пристрелялась?

– Да, все нормально, – кивнула она, улынувшись. – Не подведу.

– Отлично, – обрадовался я. – И всем остальным: сдать дробовики Лехе. Будем просто брать их с собой на выезд, хотя бы по одному в каждой машине, мало ли что? Для боя они не нужны, а вот для зачистки помещений могут пригодиться. И чтобы патроны с пулей и мелкой дробью всегда были. Леха, твоя задача. Проследи. В каждую машину, всегда.

– Есть, – вполне уже по-уставному ответил он.

Ну вот и молодец. Подает положительный пример подрастающему поколению, всем бы так научиться. Ладно, продолжаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.